

СТЯКЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН «БРИТВЫ»

Дмитрий Олегович Силлов
Закон «Бритвы»
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Снайпер»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67915353
Закон «Бритвы»: АСТ; М; 2022
ISBN 978-5-17-145486-9

Аннотация

Случилось страшное. То, что ужаснее самой мучительной смерти.

Снайпер серьезно ранен, и у него есть всего лишь сутки для того, чтобы найти в Зоне редчайший артефакт, способный его излечить, – иначе через двадцать четыре часа он будет полностью парализован.

А в это время в далекой Японии у русского ниндзя Виктора Савельева члены якудза похищают дочь. И для того чтобы вернуть ее, он должен доставить Снайпера в логово якудза – на верную смерть.

Что ужаснее – погибнуть в Зоне обездвиженным или умереть под пытками в руках самых изощренных убийц планеты, ведущих свой род от средневековых кланов?

Но на самом деле – какая разница? Главное – прожить оставшиеся часы так, чтобы не было стыдно перед самим собой и верным другом – ножом по имени «Бритва», который Снайпер уже давно и не случайно считает не просто оружием, а существом, живущим по своим собственным законам.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

85

Дмитрий Силлов

Закон «Бритвы»

© Силлов Д.О., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов *www.sillov.ru* и *www.real-street-fighting.ru*;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Ле-

пестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

* * *

Эхо одиночного выстрела хлестнуло по стенам огромного зала, многократно отразилось от них – и затухло, запутавшись в переплетениях ржавых лестниц и кусков арматуры, тут и там торчащих из куч бетонного мусора. Пуля ударила в плечо, развернула на месте, но Лесник все же успел нажать на спуск.

И пуля ударила куда надо!

На Монумент брызнули капли крови – и тут же исчезли, словно аномалия поглотила их, приняв как подношение за исполнение последнего желания сталкера по прозвищу Снайпер.

С некоторых пор Лесник перестал понимать, кто он такой на самом деле.

Или что он такое...

Когда постоянно находишься возле самой загадочной аномалии Зоны, вряд ли получится остаться тем, кем был раньше. Монумент полностью изменил структуру тела пожилого сталкера, взамен дав нереальную силу. Больше не было потребности в еде или сне, ушли все стариковские болячки, обострились зрение и слух. А еще мощь в теле появилась фантастическая. Арматуру в узел завязать? Вообще не вопрос! Кулаком бетонную стену пробить, словно она картонная? Да запросто!

Правда, непривычно было, что тело словно полупрозрачным стало. Сквозь руку собственный сапог видно, куда это годится? Причем это в одежде, которая тоже стала похожа на мягкое стекло. И Лютый, котейка-мутант с кисточками на ушах, таким же стал, будто живая статуя, искусно слепленная из обычной воды. Лишь глаза горят огнем цвета Монумента.

Но это все мелочи.

Главное, что цель в жизни обозначилась.

Конкретная.

Настоящая!

Беречь Монумент от всяких уродов, что приходят клян-

читать у него исполнение желаний. На каждую такую просьбу аномалия энергию тратит – того в статую превратит, на это-го кусок бетонного потолка уронит, третьего расплавит, превратив в вонючую аномальную лужу.

Совершенно ни к чему это, когда рядом есть Лесник со своей полупрозрачной винтовкой, в которой теперь никогда не кончались патроны. Один выстрел – и Монумент больше не выслушивает очередную бредовую просьбу жадного и жалкого человечешки. Пусть безмятежно мерцает себе, а Лесник уж позаботится, чтоб никто не беспокоил самую известную аномалию Зоны.

Однако, когда в зал ввалился Снайпер, весь в крови, с безумным взглядом, Лесник оплошал. Замешкался, не зная, что делать.

Раздражал Снайпер старика с той самой минуты, как его в Зоне увидел. Сначала офигел Лесник изрядно. Подумал, что обознался – столько лет прошло. Но потом навел справки об этом сталкере – и понял: нет, не подвели глаза. Было дело, пересекались пути-дорожки. Да только в далеком сорок первом он, Лесник, был пацаном восемнадцатилетним – в поле ветер, в башке дым. А Снайпер этот каким был в то время, таким и остался – сильным, немногословным, решительным¹.

И молодым...

¹ О встрече Снайпера и Лесника можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон войны» литературной серии «Снайпер».

Перехожий он, типа, шляется не только меж мирами, но и сквозь время проходит туда-сюда, как обычные люди в сортир и обратно. Наделает грязных дел своих, наведет шороху – и уйдет, а людям потом разгребай то, что он натворил...

Но никогда б себе не признался Лесник, что под мыслями его, желчью пропитанными, как дно под рекой, лежит зависть. К тому, что у этого парня есть Предназначение, смысл жизни есть, а значит, и цель присутствует, к которой он стремится. Не каждому дано такое, чтоб настоящее было внутри, невыдуманное, истинное. Раньше Лесник, типа, Зону берег от кого-то, место гиблое и страшное, а на хрена берег – на тот вопрос он и сам бы себе вряд ли ответил. Сейчас вот Монумент бережет, хотя никто его не просил об этом. Призрачное предназначение, зыбкое, как рябь по воде, из головы взятое, не из сердца. Но кто ж себе в таком признается?

А когда у кого-то есть то, чего тебе никогда не видать, как своих ушей, тогда она и приходит.

Зависть.

И вместе с ней – злоба.

И плевать, что в далеком сорок первом этот сталкер пусть и случайно, но спас тебе жизнь как минимум дважды. Тот, кто делает добро походя, ненароком, бесит сильнее других – словно копейку нищему кинул, хотя у самого денег полные карманы.

Вот потому Лесник и тормознул слегка. С одной стороны, убить Снайпера очень хотелось, причем давно. И причина

была серьезная: чтоб больше мира не баламутил. Но, с другой стороны, старик помнил – того, кто про Долг Жизни забывает, не оплатив его сполна, Зона наказывает. Страшно. Так что хотелки хотелками, однако здравый смысл никто не отменял.

– Ну, здравствуй, Монумент, – прохрипел Снайпер, сплюнув кровь изо рта. Видно было – из последних сил держится, чисто на одной лишь силе воли. Ну и на адреналине, куда ж без него. Судя по дырам в окровавленной одежде, раны у сталкера нешуточные, еще немного – и стрелять не понадобится. Сам кровью изойдет, что стекает на его пальцы тонкой струйкой из разодранного рукава.

Прохрипел приветствие – и на колени рухнул. Легкая мишень. Поднимай винтовку да стреляй, как в тире.

Но Леснику стало интересно. Те, кто приходил к Монументу, шкурные желания с собой приносили. Скучные, однообразные. Власть, богатство, вечная жизнь. Банально. И глупо. Ибо власть – это постоянная головная боль на тему, как бы ее другие не отняли. Как и богатство. И вечно жить с этим сомнительным хабаром – как с ножом в брюхе. И больно, и вытащить страшно. Но еще страшнее, что кто-то другой заточенную сталь из тебя выдернет вместе с кишками.

– Я дошел до тебя, Монумент, я имею право, – еле слышно прошептал Снайпер – и, что интересно, аномалия отреагировала. Засияла сильнее, ярче стала. Ишь ты, услышала, похоже, слова того, кому, по слухам, благоволит сама Зона и

кто самой Смерти названный брат.

А сталкер говорил все тише и тише...

– Спаси миры, что я обрек на смерть ради того, чтобы вернуть к жизни своих друзей... Я виноват, Монумент, я очень виноват. Из-за меня они умерли, друзья мои, только из-за меня, но я спас их несмотря ни на что. А теперь ты не дай погибнуть мирам, в которых они живут. Прошу тебя, Монумент. Ведь я дошел! Я имею право на желание...

В душе Лесника всколыхнулась буря. Разом, будто в тихое море грозное небо обрушилось, пронзив его лезвиями молний. Право он имеет! На что ты имеешь право, издыхающий мясной мешок с костями? Да кто тебе дал такое право – жизни походя давить, словно муравьев, не замечая чужой гибели, а если и замечая, то тут же забывая об этом незначительном происшествии? Кто уполномочил тебя миры баламутить, историю перекраивать, время вспять поворачивать? Богом себя возомнил?! Так на каждого бога своя управа всегда находится.

Лесник вскинул винтовку.

– Не имеешь!

Снайпер медленно повернул голову – видно было, что нелегко ему это далось. Ибо глаза мутные, уже неживые. Лесник знал: такие глаза бывают у тех, кто стоит на пороге Края вечной войны. Но кто его знает, этого перехожего, который уже не раз умирал, а после воскресал и продолжал дела свои пакостные как ни в чем не бывало?

Но просто нажать на спуск Лесник не мог. Ибо слова жгли душу, выворачивали ее наизнанку. И если не высказать, похоронить их в себе, потом всю жизнь жалеть будешь, что не выплюнул их в эти затухающие глаза.

– Нет у тебя никаких прав, Снайпер, – проговорил Лесник. – Ты точно болезнь на теле Зоны. Где появляешься ты, там нарушается равновесие, рвутся границы между мирами, гибнут десятки живых существ, которых ты убиваешь, оправдывая их смерть своим Предназначением. Настала пора вылечить Зону от тебя, сталкер, – и, думаю, Зона будет мне благодарна за это лечение.

Лесник медленно, с наслаждением потянул спусковой крючок, ощущая пальцем, как выбирается слабина. Что может быть лучше, когда сказано все, что хотелось сказать, и осталось лишь поставить последнюю свинцовую точку в этой затянувшейся повести? Конечно, неприятно, что нет у этого умирающего сталкера ужаса в глазах перед неминуемой смертью и что пока он, Лесник, говорил, губы Снайпера слегка растянулись в усмешке. Ничего. Когда пуля пробивает лоб и выходит из затылка, все усмешки и презрительные взгляды исчезают разом, и на растрескавшийся пол падает всего-навсего еще один труп, которых до него немало попадало в этом зале.

Но что-то пошло не так...

За долю мгновения до того, как раскаленная пуля вылетела из ствола, Лесник ощутил толчок в шею. Сильный, будто

мешок с цементом кто-то на загривок кинул. Старик еле на ногах устоял, а палец, само собой, за спуск дернул.

Грохнул выстрел – и на Монумент брызнула кровь. Да, прицел, конечно, сбился от непонятого толчка, но тоже неплохо вышло: пуля ударила в шею сталкера, швырнув его на пол. С кровопотерей от подобного ранения не выжить никому, даже пресловутой Легенде Зоны.

Все это промелькнуло в голове Лесника нисколько не медленнее пули, только что вылетевшей из ствола его винтовки. И реакции старику было не занимать – развернулся быстро, одновременно досылая в патронник новый патрон...

Но недостаточно быстро.

* * *

Перехожий уже встречался с подобным, когда сильные аномалии превращали живого человека в часть себя. Какие-то просто принимали форму тел, поглощенных ими. Некоторые плодили мороков – управляемых кукол, посредством которых аномалии охотились или защищались...

Но здесь случай был уникальный.

Главная аномалия этой Зоны наделила живого человека частью своей силы, образовав с ним своеобразный симбиоз. Она ему – силу и бессмертие, он же в обмен – свою жизнь, посвященную только ей. И сейчас этот человек-симбионт, похоже, уничтожил то, ради чего Перехожий пришел сюда,

не без труда пробив портал сквозь пространство.

Правда, оставалась надежда, что его ментальный удар сбил прицел – Перехожий видел, что пуля угодила не туда, куда метил симбионт. Посему имело смысл ударить еще раз, не экономя силы, а после отбросить в сторону кота-мутанта, бросившегося на него с оскаленными клыками.

Мутант мявкнул, получив невидимый удар между глаз, и рухнул на бетонный пол, рядом со своим полупрозрачным хозяином, валяющимся без сознания. Жить котейка будет, зато потом сто раз подумает, на кого можно бросаться, а на кого лучше не надо. А тот, кто умел проходить сквозь пространство, быстро подошел к сталкеру, из пробитой шеи которого уже тонкой струйкой лилась кровь, наполняя и без того большую темную лужу, над которой курился слабый пар – в зале Монумента было довольно холодно. Правда, темная струйка вытекала из шеи толчками, а значит, сердце умирающего еще билось.

Мало что можно сделать, если перебита сонная артерия и жизнь стремительно покидает тело. При отсутствии рядом госпиталя с отделением реанимации наготове разве что пережечь шею ниже раны, чтобы на несколько минут отсрочить неминуемое. Да только зачем? Дабы сказать что-то совершенно ненужное человеку, который уже одной ногой стоит там, где любые слова не имеют никакого значения?

Но, видимо, тот, кто был способен ходить сквозь «кротовые норы» в пространстве, умел нечто большее, недоступное

обычным людям. Он встал на одно колено, положил руку на рану, и мощно выдохнул, чувствуя, как от его сердца вниз по руке прокатилась обжигающая волна энергии.

Это было очень больно. Перехожему показалось, что он опустил руку в чан с расплавленной сталью, и это понятно. Когда делишься с кем-то частью собственной жизни – это всегда больно. Организм сопротивляется, не хочет отдавать самое ценное, что у него есть, но в данном случае результат был важнее собственной жизни...

Умиравший вздрогнул и открыл глаза.

– Зачем? – прохрипел он.

– Ты нужен, – прозвучал ответ.

– Кому? – слабо усмехнулся сталкер.

– Родине. В нашу прошлую встречу я предложил тебе сотрудничество, и ты обещал подумать. Сейчас я предлагаю то же самое.

– Просто убери руку, Андрей, – проговорил умирающий. – Не трать силы. Тебе не вытащить меня отсюда...

– Я попробую, – возразил Андрей Макаренко. – Но ты мне должен пообещать помочь.

– Просто раздавать обещания на пороге смерти, – хмыкнул сталкер, чувствуя одновременно и прилив сил, и как снизу вверх стремительно холодеют конечности – верные признаки надвигающейся агонии. – Конечно, помогу, не вопрос. Только учти: органы у меня изрядно подпорчены радиацией. Если собрался кому-то мои почки пересаживать или печень,

десять раз подумай...

Он замолчал, так как его внезапно начало трясти. Светло язык, горло, сдавило сердце...

«Ну наконец-то, – пришла вялая мысль. – По ходу, теперь кто-то другой будет тащить на себе мое Предназначение как непомерный груз, намертво приросший к спине».

И это была последняя мысль перед тем, как темнота разверзлась перед ним – и он упал в ее холодные объятия с облегчением, словно путник, достигший цели и в конце сбросивший с плеч тяжелый рюкзак, давивший на них долгие годы...

* * *

Запах больницы ни с чем не спутаешь. Смесь ароматов хлорки, лекарств, свежего и не очень свежего казенного белья сразу доносит до мозга информацию о том, где ты находишься, даже если глаза закрыты. Потом к запахам прибавляется осознание, что ты лежишь на спине как бревно, не в силах пошевелиться, руки в области локтевых сгибов болят от игл капельниц, а кожа на лице неприятно зудит – это наверняка на тебя кто-то пялится, словно на неподвижную древнеегипетскую мумию.

Я поднапрягся, поднял веки – тяжелые, словно налитые свинцом...

– Опять ты...

Язык слушался плохо, но я все же это выговорил.

– Ага, – сказал Макаренко. – Опять я.

Ясно, чего ж тут неясного. Значит, он каким-то немислимым образом все-таки вытащил меня из зала Монумента, определил в больницу и ждет, что я прям с больничной койки ринусь отрабатывать ему Долг Жизни.

– Если ты за обещанным... то хреновый из меня сейчас помощник.

– Не поспоришь, – кивнул Андрей. – Остановка сердца на пять с половиной минут и две недели в коме еще никому здоровья не прибавляли.

Ишь ты, как интересно. Значит, я и правда едва копыта не отбросил – если Макаренко не врет, конечно. Хотя смысла в этом нет: я и так по Закону Зоны ему жизнь должен, и потому дополнительно нагружать меня чувством благодарности совершенно ни к чему. Да и не за что мне его благодарить, в общем-то. После всего, что со мной произошло, жизнь для меня точно пресловутый чемодан без ручки: и нести тяжело, и бросить вроде как жалко, но если кто отнимет – и хрен бы с тем чемоданом, невелика потеря.

Андрей чуть запнулся, слегка нахмурил брови. Что бы это значило?

– Есть и еще кое-что, – сказал Макаренко. – Пуля, что тебя чуть на тот свет не отправила, задела позвоночник. В общем, все, что ниже шеи...

– Нет, – проговорил я.

– Увы, – вздохнул Андрей. – Таков Путь воина. Иногда на нем встречаются непреодолимые пропасти.

Я напрягся изо всех сил, пытаюсь сдвинуть руку хотя бы на миллиметр...

Бесполезно.

Я больше не контролировал собственное тело, и боль в локтевых сгибах от игл мозг просто себе придумал, когда осознал запах больницы.

Я негромко застонал... Что может быть страшнее? Лучше самая мучительная смерть: там хоть, когда страдаешь, осознаёшь, что рано или поздно все закончится. Здесь же финал уже наступил, тело фактически умерло, лишь живая голова продолжает зачем-то существовать, пристегнутая к безвольному и бесполезному мешку из плоти.

– Слушай, Андрей, – сказал я, ощущая, как стремительно возвращается ко мне способность трезво мыслить и связно изъясняться: после такого стресса это и неудивительно. – Сделай одолжение...

– Нет, – перебил меня Макаренко. – Не сегодня. Пулю в лоб я тебе всегда организую по знакомству, но только в реально критической ситуации. Сейчас она, прямо скажем, неважная, и, боюсь, радикально ее поправить не получится, но есть у меня одно нерадикальное средство.

Он сунул руку за пазуху форменного кителя и вытащил оттуда самый обыкновенный пластиковый шприц, внутри которого переливалась жидкость необыкновенного цвета.

Была она похожа на слабый раствор марганцовки, внутри которого, словно зеленые глисты, сновали юркие сполохи. Появлялись, исчезали, растворяясь в «марганцовке», зарождались вновь... Завораживающее зрелище и при этом неприятное до тошноты.

– Как я понимаю, эту гадость предполагается ввести в меня, – поморщился я. – Может, все-таки лучше на пулю расщедришься?

Андрей усмехнулся.

– А если я скажу, что эта гадость поднимет тебя на ноги? К слову, ты находишься в Институте аномальных зон, где эту субстанцию и разработали на основе артефакта, который называется «Глаз Выброса».

– Интересно, – хмыкнул я. – С учетом, что этот артефакт – выдумки подвыпивших сталкеров...

Но, наткнувшись глазами на внимательный взгляд Макаренко, я заткнулся. Ибо как-то сразу понял: не фантазия этот уник, которого вживую никто никогда в Зоне не видел. Вроде бы не видел...

– Этот арт – порождение выброса аномальной энергии из недр разрушенного Четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС, – сказал Андрей. – Он зарождается в эпицентре и обладает нереальной силой. О редкости арта можно даже не говорить, но его все же достал один сталкер и продал Институту за немалые деньги...

– Короче, – попросил я, чувствуя, что эффект от выбро-

са адреналина стремительно падает и я вот-вот снова вырублюсь от слабости.

– Можно и короче, – отозвался Макаренко. – Пока что ученые Института выяснили следующий эффект: раствор на основе этого артефакта, размельченного в пыль, возвращает поврежденные ткани по линии времени до точки оптимального состояния. То есть, например, если обколоть этой субстанцией лицо, то оно станет как у двадцатилетнего – лучшее время для организма. Или ввести в искаленную руку, которая после инъекции практически сразу станет нормальной, – правда, пациенту во время восстановления придется жрать как не в себя, иначе «марганцовка» поглотит остальные ткани организма ради восстановления той руки.

– Ясно, – сказал я. – И в чем подвох? Арты никогда не имеют только положительную сторону.

– Эффект «марганцовки» нестабилен, – пожал плечами Макаренко. – Примерно через двадцать четыре часа отравленные ткани начинают возвращаться к исходному состоянию. Специалисты Института работают над этим, но пока безуспешно.

– Понятно, – невесело усмехнулся я. Надежда вспыхнула было – и угасла, что, впрочем, для нее практически всегда вполне нормальное поведение. – И зачем в таком случае мне нужна эта информация?

Макаренко задумчиво крутил шприц в пальцах, словно прикидывая – продолжить беседу или ну ее на фиг. Но все

же, видимо, решив, что коли уж пришел, надо довести дело до конца, выдал следующее:

– Артефакт «Глаз Выброса» принес в Институт один сталкер. Получил деньги, сказал, что принесет еще – и пропал. Потенциал у этого арта колоссальный, наш Комитет, сотрудничающий с Институтом, крайне заинтересован в нем, но для полномасштабного исследования одного артефакта мало – нужно несколько. Однако руководство никогда не разрешит послать в Зону группу специалистов на поиски какого-то сталкера, просто не захотят рисковать ценными сотрудниками. А без дополнительного исследовательского материала этот единственный шприц с получившимся работающим продуктом можно выбросить в помойку, так как...

– ...результат нестабилен, – продолжил я, поскольку Макаренко запнулся – видимо, сообразил, что насчет помойки получилось не особо тактично. Но мне сейчас было наплевать на церемонии, потому как я понял, зачем он пришел сюда. – Короче, вам нужен одиночка, на которого всем плевать: содохнет – не жалко, – сказал я. – Причем он должен очень хорошо знать Зону и иметь личную заинтересованность в положительном результате операции. Посему вы, вместо того чтобы выбросить в помойку получившийся продукт, готовы вколоть его тому одиночке, после чего закинуть его в Зону на сутки. Принесет требуемое – зашибись, на нем же потом и поэкспериментируем с новым препаратом. Нет – ну что ж, свернем исследование, не впервой. А сталкер – да и хрен с

ним, пусть валяется где-то в Зоне и наблюдает своей говорящей головой, как мутанты жрут его бесчувственное тело.

Макаренко пожал плечами.

– Что ж, ты все понимаешь правильно. И сейчас мне нужен ответ – согласен ли ты дать себе шанс встать на ноги?

– Не согласен, – сказал я. – Нет у меня желания валяться посреди Зоны в виде безвольного куска мяса, ибо прочесать ее за сутки нереально. Напомню: ситуация у меня реально критическая, выхода из нее я не вижу, в связи с чем ты обещал мне пулю.

– А если я скажу, что у сталкера, который принес артефакт, прозвище Меченый? – произнес Макаренко.

– Черт... – выдохнул я.

Меченый не был мне другом, хотя в свое время мы с ним провернули несколько совместных дел. Таких людей принято называть боевыми товарищами, и когда такой человек попадает в беду, ты просто обязан его выручить. Ключевое в рассказе Макаренко «обещал – и пропал», а значит, с Меченым случилось что-то нехорошее, ибо он не из тех, кто обещает и не делает. А значит, решение в данной ситуации может быть только одно.

– Согласен, – прохрипел я. – Только напомни, на кого ты работаешь, а то я запомятовал как-то. Хоть буду знать, подыхая, чье задание провалил.

Макаренко слегка скривился, будто лимон откусил, но все же проговорил занудным голосом текст, который ему уже, по

ходу, осточертело повторять тем, кого он вербует:

– Я представляю Комитет по предотвращению критических ситуаций. Или проще – группу «К». Комитет – а тогда он назывался комиссариатом – был образован практически вместе с НКВД сразу после Октябрьской революции. Основной задачей этой структуры была внешняя стратегическая разведка, а также предупреждение действий других стран, направленных на подрыв советской власти в России. Позднее к функциям группы «К» прибавился негласный контроль над всеми структурами НКВД, а также антидиверсионная деятельность стратегического масштаба. С тех времен и до сегодняшнего дня группа «К» стоит на страже интересов Родины...

– Вспомнил, – перебил его я. – Иногда случается, что ваши специалисты не в состоянии своими силами справиться с проблемой. И тогда вам приходится привлекать к сотрудничеству профессионалов со стороны.

– И тут ты не ошибся, – кивнул Андрей. – Так поступают спецслужбы во всем мире, и мы не исключение.

Я хотел съязвить в ответ, но не вышло – из горла вырвался лишь хрип. И картинка перед глазами начала мутнеть. Макаренко кинул взгляд на приборы, которые были наставлены возле моей койки, и сказал:

– Ну что ж, сталкер, ты теряешь сознание. Перенапрягся после ранения и выхода из комы, бывает. Но коль ты согласился поработать на благо государства, то мы это сейчас ис-

правим.

Он встал со стула, довольно бесцеремонно перевернул на правый бок мое безвольное тело, и я услышал хруст плоти, разрываемой толстой иглой шприца – видимо, чтоб вязкая субстанция прошла сквозь отверстие в металле, игла требовалась нестандартная.

А потом мой мозг буквально взорвался! Ощущения были, будто мне в череп, словно в костяную кастрюлю, плеснули крутого кипятка. Я открыл было рот, чтобы заорать, но звука не было – перехватило легкие. Болью. Будто тот кипяток из башки пролился в грудь, и мои внутренние органы начали вариться заживо.

Буквально за несколько секунд адская, ни с чем не сравнимая боль мгновенно распространилась по всему телу. Думаю, еретикам, сжигаемым на костре, было комфортнее, чем мне: их жгли снаружи, и они могли орать сколько душе угодно, хоть как-то отвлекаясь от неопишуемых страданий. Меня же проклятая выжимка из уникального артефакта варила заживо изнутри, и мне ничего не оставалось, кроме как пытаться протолкнуть в себя хоть немного воздуха и наблюдать, как мои сведенные судорогой пальцы с треском рвут белую больничную простыню.

Это было невыносимо больно... но в то же время прекрасно! С такой травмой, как у меня, человек физически не может корчиться и извиваться, словно угорь на раскаленной сковородке. А мое тело исполняло это с азартом, и я чув-

ствовал боль каждой клеткой своего тела!

Чувствовал!

Боль!

Что может быть прекраснее на свете после того, как тебе озвучили приговор, который в миллион раз страшнее смертного?

Наконец я с хрипом, слезами и соплями втянул в себя нехилую порцию воздуха, тут же выдохнул ее вместе со стукотом мокроты, скопившейся в легких, – и душевно так блеванул в сторону Макаренко. Однако Андрей очень точно и профессионально ушел от моего извержения, обильно залепившего экран какой-то медицинской машины, датчики которой были подключены ко мне в изобилии.

Впрочем, в них уже не было надобности. Мое тело, приговоренное к неподвижности, ожило, и сейчас его трясло, словно в лихорадке. Но я ощущал его так же, как и прежде, – и наплевать, что меня колотит озноб, будто я только что вылез из холодильника. Бывало и намного хуже – например, несколько минут назад, когда хотелось только одного: чтоб Андрей вытащил свой пистолет из кобуры и выполнил свое обещание.

А теперь по мере того, как озноб потихоньку сходил на нет, в брюхе у меня зарождалось знакомое каждому сталкеру тянущее ощущение, которое возникает, когда не пожрешь пару суток. Нет, примерно трое. Хотя, пожалуй, где-то с неделю.

– Эффект замечательный, – сказал Макаренко, бросив взгляд на часы. – От инъекции до полного восстановления три с половиной минуты вместо прогнозируемых двенадцати, что подтверждает выводы ученых Института, хорошенько тебя исследовавших, пока ты был в отключке.

– И... что за выводы? – проговорил я, постукивая зубами: дрожь еще не до конца покинула мое тело.

– Ты скорее мутант, чем человек, – отозвался Макаренко. – Впрочем, для этого вывода достаточно обычного рентгеновского исследования – у обычного человека вряд ли приживутся металлическая пластина на груди, нож в правой руке, похожая на червя неведомая тварь в левой и совершенно непонятная светящаяся субстанция в области сердца, похожая на осколок артефакта. Впрочем, время бесед прошло, сталкер. Пора приступать к заданию, так как времени на его выполнение у тебя осталось меньше суток. Стимуляторы тебе не потребуются, «марганцовка» даст энергии покруче любого из них. Про то, что следует поторопиться, повторять не буду. Экипировку получишь на первом этаже, поешь в машине – судя по твоим голодным глазам, ты сейчас не прочь откусить мне руку и сожрать ее вместе с костями.

* * *

Со времени моего последнего посещения Институт аномальных зон изрядно изменился. Теперь он еще больше на-

поминал неприступную крепость: две автоматические пушки 2А42 на крыше, пулеметы на вышках, бетонный трехметровый забор со спиралью Бруно, натянутой поверху, четыре БТР-80, которые, словно огромные сторожевые собаки, замерли в разных углах периметра. Ну и, само собой, вооруженные парные патрули, обходящие территорию Института, которых я с ходу насчитал минимум пять.

Выйдя наружу, мы с Макаренко загрузились в УАЗ, подогнанный водителем в форме без знаков различия и с лицом, словно вырубленным из камня. Я закинул на переднее сиденье объемный рюкзак и автомат, которыми меня снабдили на местном складе вместе с полным комплектом униформы, после чего мы с Андреем расположились на заднем сиденье.

При этом, помимо всего прочего, я прихватил с собой килограммовую банку тушенки, армейский сухпай и найденный на складе советский «ложковил» – складной нож, снабженный ложкой и вилкой и при этом разделяемый на три части. Удобная штука, когда жрать хочешь, точно стадо оголодавших пираний, и готов точить все что угодно, даже обивку сидений УАЗа. Правда, сейчас у меня была лучшая альтернатива, и я, разложив еду прямо на картонной упаковке сухпая, как на столе, молотил в три горла, чавкая и захлебываясь обильными слюнями.

Признаюсь, было неудобно, но я ничего не мог с собой поделаться.

– Не стесняйся, – подбодрил меня Макаренко, когда ав-

томобиль тронулся с места. – Это нормальная реакция организма на зашкаливающую регенерацию.

Стеснение сейчас было последним, о чем я мог думать. Очень быстро пустая банка из-под тушенки улетела за борт УАЗа, следом отправились остатки сухого пайка, которые невозможно было сожрать всухомятку. Животный голод немного отступил, и ко мне помаленьку вернулась способность соображать и оценивать ситуацию.

Между тем машина выехала за мощные стальные ворота Института, и я практически сразу разглядел тонущие в утренней дымке знакомые пулеметные вышки Кордона, по периметру огораживающего Чернобыльскую Зону, – Международный Институт исследования аномальных зон находился неподалеку от объекта изучения.

Я бросил взгляд на американские тактические часы, которыми меня тоже снабдили. Итак, на всё про всё у меня чуть больше двадцати трех часов. Что ж, придется поднапрячься. Сейчас задача уже не казалась мне невыполнимой – в теле бурлила дурная энергия, словно в ядерном реакторе...

– Не обольщайся, – сказал Макаренко, заметив мое состояние. – Эффект временный. Думаю, часов через десять начнется спад действия «марганцовки», так что чем быстрее ты вернешься в Институт, тем для тебя лучше.

Я посмотрел на агента таинственной группы «К».

– Что мне еще надо знать?

Андрей криво усмехнулся.

– Не уверен, что это тебя подбодрит, но все же лучше тебе и правда знать, чем оставаться в неведении. Твои эксперименты со временем привлекли внимание не только нашей группы, аналоги которой есть во всех серьезных государствах мира. И, по нашим сведениям, их неслабо потрянуло, когда ты принялся менять прошлое². Конечно, согласно твоему желанию, Монумент откатил назад последствия той встряски, но даже самая могущественная аномалия Зоны не может на сто процентов вернуть все назад, как было. Потому первое: не удивляйся тому, что с существующей реальностью может быть что-то не так. И второе. Никакому правительству не понравится, что судьбой вверенного ему государства может вертеть, как захочет, какой-то сталкер-одиночка. Думаю, ты понял.

– Ага, – отозвался я. – Знаешь, мне не впервой отправлять на тот свет тех, кто пытается меня убить.

– Прозвучало самонадеянно, – сказал Макаренко. – Даже Легенды Зоны порой получают пулю в лоб и умирают, как самые обычные люди.

– Вряд ли кто-то сильно загрузит, если это произойдет со мной, – возразил я. – Скорее те, кто меня знал, вздохнут свободно. Да и мне не придется метаться по Зоне, как наскипидаренному коту, разыскивая Меченого. Так что в случае реализации твоего сценария всем будет только лучше.

² Подробно об этом рассказано в романе Дмитрия Силлова «Закон Кремля» литературной серии «Снайпер».

– Мое дело предупредить, – пожал плечами Андрей Макаренко.

* * *

Счастье подобно солнцу. О нем не думаешь, его не замечаешь, пока оно светит тебе и греет тебя. Когда хорошо – вроде так и должно быть. И кажется, что теперь так и будет всегда...

Виктор шел по улице, стараясь дышать экономно – все-таки воздух в Токио совсем не такой, как в горах. Но кумитё³ виднее, в какую из школ клана назначить инструктором мастера стихии Пустоты. И если раньше Виктор тренировал бойцов далеко отсюда, в традиционном додзё⁴, то с недавних пор к его услугам был роскошный современный тренировочный зал, снабженный всем необходимым и занимавший целый этаж элитного небоскреба.

А еще с ним была дочь. Юки. То самое солнце, что согрело его с тех пор, как он нашел ее... Правда, Виктор никогда бы не признался в этом ни ей, ни даже себе. Юной девушке, воспитанной в древних традициях японских убийц-ниндзя, европейские слюнявые переживания так же чужды,

³ Кумитё (*жаргон якудза*) – «старший начальник». Глава клана якудза.

⁴ Додзё – «место поиска Пути». Тренировочный зал в японских единоборствах. В древности иногда комплекс тренировочных, жилых и хозяйственных зданий в солидных «рю» – школах воинского искусства.

как юбки, губная помада и залипание в сотовых телефонах с утра до вечера. У нее есть другое занятие – тренировки с утра до вечера. Так ее воспитывала покойная мать-куноити⁵, так ее продолжает воспитывать отец, который за свои заслуги перед кланом Сумиёси-кай получил почетное прозвище Оми-но ками, что означает «дух провинции Оми».

Однако если целыми днями сидеть в дождё, пусть даже фантастически грамотно оборудованном, можно и рехнуться от однообразия. Потому Виктор взял себе за правило по вечерам прогуливаться по оживленным улицам Токио, где высоченные здания облеплены яркой, кричащей рекламой, потоки машин нескончаемы, словно бурные горные реки, а люди очень похожи друг на друга. Савельев неслабую часть своей жизни провел в Японии, но так и не смог избавиться от известного европейского стереотипа. Впрочем, японцы говорят, что гайдзины⁶ тоже все на одно лицо, так что у европейцев и азиатов этот стереотип работает в обе стороны.

Несмотря на суету, царящую вокруг, Виктор отдыхал, перемещаясь в людских потоках. Чужие мысли и переживания, которые он ощущал на ментальном уровне, отвлекали его от постоянной напряженной работы, омывали, точно струи теплого летнего дождя, позволяли внутренне расслабиться

⁵ Куноити – «гармония пустоты». Женщины-ниндзя.

⁶ Гайдзин – «иностранец». Без дополнения «коку» («страна») слово приобретает презрительный смысл «чужак», «неяпонец». Применяется в основном к европейцам, в отличие, скажем, от более близких по менталитету китайцев или корейцев.

перед тем, как снова с головой окунуться в работу. Мысли и эмоции людей, проходящих мимо, Савельев воспринимал именно так – как капли воды, что стекают с тела, смывая дорожную пыль, перед тем как упасть на асфальт. При этом ни ты не думаешь о них, ни они о тебе...

Хотя сегодня вдруг в сплошной стене таких вот равнодушных капель Виктор уловил изменение общей картины. Как если бы среди струй серого, монотонного, холодного дождя вдруг нашлась одна неестественно горячая капля, которая чувствительно обожгла висок.

Это было намерение.

Не внимание девушки, окинувшей оценивающим взглядом гайдзина с хорошей фигурой, угадывающейся под одеждой. Не хмурая, неприязненная реакция ее спутника, уловившего этот взгляд, которая не ощущается никак, ибо не несет реальной угрозы.

Это было другое.

Когда человек замыслил убийство, его намерение – это направленный сгусток энергии, максимально повышенное внимание к цели, особенно если убийца знает, что цель опасна. И за долю секунды до самого убийства даже нетренированный человек может почувствовать нечто, например беспричинно обернуться, сам не понимая, зачем это сделал, – и принять в лицо пулю, выпущенную в затылок.

Однако совсем иное дело, когда кто-то хочет убить человека, не просто прошедшего спецподготовку в секретной

школе ниндзя, но и носящего в себе ками великого воина⁷, жившего несколько веков назад...

За долю секунды Виктор все понял и все оценил. Убийца, засевший в невзрачной серой машине, припаркованной на другой стороне улицы, еще выбирал пальцем слабинку спускового крючка, а Савельев уже знал, куда полетит пуля. Враг целился ему в висок, и уйти от этого выстрела было легко.

Ему.

Но не той парочке, с которой он только что поравнялся. Если он поднырнет под линию выстрела, пуля пробьет навывлет недовольную физиономию высокого японца и, развернувшись в черепе и пройдя навывлет, как минимум выбьет глаз его спутницы, по случаю свидания надевшую туфли на высоком каблуке.

Разумеется, Виктор не мог этого допустить.

И он начал действовать.

Молниеносный удар кулаком в живот согнул вдвое недовольного японца, которого Виктор с силой толкнул на его девушку. Громкий стон и хруст сломанного каблука заглушили шелест пули, пролетевшей в сантиметре от уха девушки. В спину Виктора полетели проклятия прохожих, которые видели эту сцену – и увидели лишь одно: белый гайдзин беспричинно избил двух влюбленных.

⁷ Ками – здесь: души людей и предметов, способные к автономному существованию вне тела и обладающие собственным разумом. По представлениям японцев, не тело имеет душу, а душа управляет приданным ей телом.

Но Савельеву было не до них. Он вихрем несся через улицу к серой машине, водитель которой сразу после выстрела попытался покинуть место неудачного покушения...

И ему это почти удалось.

Почти.

Двигатель взревел, автомобиль дернулся с места... но уехал недалеко.

Виктор разбежался, подпрыгнул, ногой оттолкнулся от капота проезжавшей мимо машины – и подошвами обеих кроссовок влетел в боковое стекло серого автомобиля.

Удар был страшным. Водителя вместе с выбитым стеклом швырнуло на пассажирское сиденье. Виктор же, схватившись руками за крышу машины, резко ввернул свое тело в салон, словно штопор в пробку, и успел перехватить руку убийцы с зажатым в ней пистолетом, снабженным длинным глушителем.

Незадачливый киллер, расположившийся на заднем сиденье, дернулся с недюжинной силой – и выдернул свою руку из стального захвата.

Без пистолета.

И сломанную в двух местах.

На адреналине боль приходит позже. Лево́й рукой убийца резко выхватил из-за пазухи слегка изогнутый нож-танто – и сделал это зря. Не появившись этот нож, может, он остался бы жив. Но у хорошего бойца всегда закреплен устойчивый рефлекс: вооруженного противника нужно убивать. Потому

что, если этого не сделать, он убьет тебя. Правило простое и однозначное, как патрон в патроннике. Не нажмешь на спуск – умрешь сам. Нажмешь – выживешь. Вот и вся наука.

Виктор дважды коротко ударил. Первый раз согнутым пальцем в глаз врага, и когда тот рефлекторно поднял обе руки к лицу, стремясь унять резкую вспышку боли в глазнице, – основанием ладони по рукояти танто, все еще зажатой в руке убийцы.

Длинный, остро заточенный клинок легко пробил грудную клетку, пронзил сердце и кончиком уперся в позвоночник. Однако тот, кто умеет убивать профессионально, знает – это еще не смерть. Сердце не так-то просто остановить. Даже пробитое насквозь, оно еще дергается, выполняет свою функцию. Правда, недолго, но тем не менее.

Виктор перегнулся через переднее сиденье, схватил умирающего за лацкан пиджака, притянул к себе, и, глядя в глаза, задал лишь один вопрос:

– Кто?

Савельев не ждал ответа – да он был ему и не нужен. Тем более что истинный член клана якудза скорее умрет в муках, нежели выдаст врагу необходимую информацию. Однако любой человек, услышав вопрос, заданный при подобных стрессовых обстоятельствах, обязательно представит себе ответ.

И Виктору этого было достаточно.

Он не мигая смотрел в глаза умирающего, мысленно слив-

шись с его ками, – и в его голове немедленно возникла картинка. Чужая мысль, образ, недавнее воспоминание. Возникла – и пропала, так как убийца осознал, что сейчас происходит, и заставил себя не думать. Что не так-то просто, когда на тебя ментально давит мастер стихии Пустоты.

Но умирающий справился. Когда жуткая, нереальная боль захлестывает мозг, думать он может лишь об одном – чтобы эта боль прекратилась.

Послышался глухой хруст. Убийца улыбнулся губами, мгновенно ставшими вишнево-красными, и выплюнул в лицо Виктора свой откушенный язык.

Однако за мгновение до этого Савельев понял, что происходит, и свободной рукой ударил умирающего в край челюсти.

Окровавленный язык шлепнулся на пол салона, голова убийцы дернулась и безвольно повисла, после чего поток крови хлынул изо рта на грудь умирающего.

Вот только Виктор этого уже не видел. Распахнув дверь, он выскочил из машины и бегом ринулся по улице.

Он знал, куда бежать, и это было недалеко. В Японии очень мало свободного места для застройки, и, когда оно находится в престижном районе, нередко случается так, что резиденции заклятых врагов располагаются в шаговой доступности друг от друга...

Это был высоченный небоскреб – на первый взгляд деловой центр, один из многих, но по сути – настоящая крепость.

В роскошном вестибюле за раздвижными стеновыми панелями скрывались пулеметные гнезда. Днища лифтов по нажатию специальной кнопки могли резко откидываться вниз, и пассажир падал в шахту раньше, чем успевал испугаться. В шахте же специальное механическое устройство тут же принимало в работу бездыханное тело: расчленяло, измельчало в сырую от крови пыль, после чего смывало в городскую канализацию.

Подобные устройства были не только в лифтах – их хватало по всему зданию: в полах, имеющих свойство развертаться под ногами нежелательных посетителей, в стенах специальных комнат, которые мгновенно схлопывались, как только такой посетитель переступал порог, в потолках, столь же быстро опускающихся, дабы расплющить человека, словно муху, попавшую под мухобойку.

И, само собой, в здании была охрана. Не обычные секьюрити с пистолетами в кобурах, а безоружные с виду люди в деловых костюмах, умеющие убивать одним движением пальца, способного расколоть свежую двухдюймовую доску, выточенную из японского дуба. Впрочем, те люди знали десятки других способов отправить человека в лучший мир.

И Виктор знал об этом, однако сейчас он направлялся именно в это здание – резиденцию одного из самых могущественных в Японии кланов якудза Ямагути-гуми.

Это было равносильно самоубийству даже для такого специалиста, как Савельев, – тем более что члены этого клана

по непонятной причине только что пытались убить его. Клан Ямагути-гуми и Сумиёси-кай, к которому принадлежал Виктор, соперничали уже много веков, но сейчас между ними был мир – зыбкий, будто утренний туман, и настолько же временный. Однако Виктор не слышал о том, чтобы договор о мире перестал действовать, и потому он должен был выяснить, с какой это радости члены Ямагути-гуми ни с того ни с сего решили убить его прямо посреди улицы.

Он ожидал, что в вестибюле здания его попытаются убить или как минимум задержать, но охрана сделала вид, что его просто не существует. Странно...

Виктор вошел в лифт и нажал на кнопку с иероглифом, означающим пентхаус, самый верхний этаж небоскреба, куда простым смертным вход был строго воспрещен. Обычно эта кнопка банально не срабатывала, если кто-то нажимал на нее случайно, не введя специальный код посредством быстрого нажатия на остальные кнопки лифта.

Но не сегодня.

Лифт тронулся, набирая скорость. Савельев на всякий случай отошел к стене и коснулся кончиками пальцев холодного поручня, отлитого из желтого металла, очень похожего на золото. Если пол провалится под ногами, Виктор успеет схватиться за этот поручень, встать на него ногами и, выбив потолок, проникнуть на крышу лифтовой кабины. Если же потолок начнет опускаться, то придется оторвать от стены красивую металлическую деталь, и использовать ее как ду-

бинку, чтоб проломить тот потолок, и...

Но кабина продолжала бесшумно нестись дальше вверх. Скорость подъема ощущалась лишь возникшим давлением в животе, да мелькали цифры на электронном табло, отсчитывая этажи – «36, 37, 38...».

Наконец лифт остановился, но никто, как ожидалось, не стал прочесывать кабину автоматными очередями. Двери кабины разошлись в стороны, и за ними никого не было. Интересно. Зачем тогда пытались убить на улице – и не пытаются здесь?

Виктор вышел, отметил про себя расположение чуть более светлых потолочных панелей, под которыми могли скрываться пулеметы, и пошел вперед по огромному этажу, оформленному в траурных белых тонах: этот цвет часто использовали средневековые воины-самураи как символ готовности умереть в бою.

Вдоль стен стояли древние самурайские доспехи о-ёрой, водруженные на специальные ящики кара-бицу. Виктор на глаз прикинул стоимость этих антикварных раритетов преимущественно эпохи Хэйан и мысленно присвистнул: похоже, эта коллекция доспехов могла бы окупить постройку всего небоскреба. Впрочем, клан Ямагути-гуми никогда не испытывал недостатка в средствах.

Длинный белый коридор оканчивался входом в зал, богато украшенный антикварным оружием. В центре зала стояло деревянное кресло с подлокотниками в виде голов драко-

нов. На кресле сидел мужчина средних лет в деловом костюме. При появлении Виктора он слегка кивнул головой в знак приветствия.

Савельев мысленно усмехнулся. Надо же, глава Ямагути-гуми, приказавший его убить, приветствует его первым.

Виктор неглубоко и без особого почтения поклонился – ровно настолько, чтобы такой поклон не сочли оскорблением. Савельев понимал, что он пришел в логово ядовитых змей и жив сейчас лишь потому, что змеи то ли сыты, то ли не в настроении записать на свой счет еще одного воина враждебного клана.

– Приветствую тебя, Оми-но ками, дух провинции Оми, – проговорил человек в кресле.

– И я приветствую тебя, кумитё клана Ямагути-гуми, – отозвался Виктор.

Кроме него и кумитё в зале никого не было, но Савельев знал, что сейчас на него направлены несколько стволов, которые превратят его в решето, если он сделает любое резкое движение, причем стрелять будут не люди, а автоматика, которая по-любому среагирует быстрее самого что ни на есть тренированного человека. Подобные дорогушие охранные системы были и в небоскребе клана Сумиёси-кай, расположенного в паре кварталов отсюда, и вряд ли здесь защита кумитё была организована менее профессионально.

– Зачем? – спросил Виктор. Лишних слов не требовалось, кумитё всё понял и без них.

– Это была проверка, – отозвался глава Ямагути-гуми. – На случай, если спокойная жизнь в столице ослабила твои навыки. И ты прошел эту проверку на отлично.

Виктор кивнул.

– Ну да. А заодно избил двух ни в чем не повинных прохожих и зверски убил двоих пассажиров автомобиля, у которых наверняка безупречная репутация. Думаю, это зафиксировали не только уличные камеры, но и еще несколько профессиональных в высоком разрешении, оказавшихся в руках у прохожих чисто случайно. И по совокупности доказательств у суда не будет ни малейшего повода усомниться в том, как все было.

– Неплохо, Оми-но ками, – кивнул кумитё. – Проверка показала, что спокойная и размеренная жизнь в Токио несколько не повлияла не только на твои профессиональные навыки, но и на умение логически мыслить.

– Зачем? – повторил Виктор.

– Все просто, – откликнулся глава конкурирующего клана якудза. – Твой хороший друг по прозвищу Снайпер, похоже, в совершенстве овладел способностью изменять прошлое и влиять на Равновесие. И нам стало интересно узнать, как он это делает. Приведи к нам Снайпера, и все записи с камер исчезнут, а оставшиеся в живых свидетели забудут о том, что когда-либо видели тебя.

Савельев усмехнулся.

– Надеюсь, уважаемый кумитё понимает, что у клана Су-

миёси-кай достаточно влияния для того, чтобы доказать истину любому суду.

Кумитё вновь кивнул.

– Не исключаю, что в случае твоего отказа помочь нам клан идеалистов и неудачников добавит себе проблем, вступившись за белого гайдзина. И, возможно, у них даже что-то получится. Но тогда, к моему искреннему сожалению, легендарный Оми-но ками больше никогда не увидит свою дочь.

Белая стена за спиной кумитё внезапно превратилась в громадный экран, на котором юная девушка, облаченная в черный тренировочный костюм-кэйкоги, ловко метала в мишень сякэны⁸ различными способами. Из рукава, с поворотом, в прыжке, в падении, с обеих рук, три сразу с одной руки... Виктор на мгновение невольно залюбовался отточенностью движений дочери, но потом пришло осознание.

Тренировка происходила в додзё Ямагути-гуми. И дело даже не во флагах с эмблемами, развешанных по углам, – цепкий глаз воина-ниндзя уловил нюансы традиционной постройки, характерной для строений именно этого клана, возведенных в потайных уголках Японского архипелага, который насчитывает более шести тысяч островов. Можно потратить всю жизнь, разыскивая потайную тренировочную базу клана Ямагути-гуми, и так и не найти ее – якудза очень хорошо умеет прятать то, что не предназначено для лишних глаз.

⁸ Сякэн – метательная «звёздочка». В силу своих незначительных убойных качеств часто смазывалась ядом.

Усилием воли Виктор подавил желание броситься вперед и одним ударом отправить главу враждебного клана в страну Токоё⁹. Какой бы совершенной ни была охранная система, вряд ли она успеет моментально среагировать на молниеносное движение ниндзя Стихии Пустоты.

Но в то же время Савельев прекрасно понимал, что смерть кумитё не вернет дочь – как и его смерть, которая последует незамедлительно после этого убийства. Потому он не двинулся с места, и ни один мускул не дрогнул на его лице, даже когда дочь, закончив упражнение, подошла к камере, и, глядя в объектив, произнесла:

– Ты нужен мне, отец.

Экран погас. Глава клана Ямагути-гуми едва заметно склонил голову – ему понравилась выдержка Виктора.

– Как видишь, с твоей дочерью хорошо обращаются, – сказал кумитё. – Пока ты будешь в отъезде, ее станут тренировать лучшие воины нашего клана, и, само собой, она ни в чем не будет нуждаться. Естественно, когда ты приведешь к нам Снайпера, вы немедленно воссоединитесь. Более того: когда ты выполнишь задание, на твой счет в банке будет переведены пятьсот миллионов иен – сумма небольшая, но достаточная для того, чтобы несколько лет посвятить себя только воспитанию своего ребенка, не думая о деньгах.

Виктор усмехнулся.

⁹ Токоё – «страна вечного мира». Мир смерти, и в то же время – мир бессмертия, в представлениях древних японцев находящийся далеко за морем.

– Благодарю за щедрость. Теперь я хотя бы знаю цену своей совести.

Кумитё пожал плечами.

– Поверь, Оми-но ками, это очень хорошая сделка. Все имеет свою цену. Обычно совесть ценится намного дешевле, а у большинства людей она вообще не стоит ничего. Благодарство, сострадание, совесть – всего лишь придуманные сущности, которые мешают жить. Отсеки их, и жизнь станет намного проще и понятнее. Надеюсь, ты слышал про бритву Оккама? Хочу дать тебе совет: применяй этот закон почаще, воин Пустоты. Обрубай лишние сущности, и тогда не придется сокрушаться о цене того, чего у тебя нет...

Виктор молчал, глядя сквозь кумитё, словно того не существовало.

Глава клана Ямагути-гуми прервал свою речь и сказал раздраженно:

– Внизу ждет автомобиль, который отвезет тебя в аэропорт. Послезавтра ты уже будешь в Киеве. Беседа окончена.

Виктор развернулся и направился к выходу из зала, затылком ощутив легкое колебание воздуха – то глава клана Ямагути-гуми не смог сдержать вздоха облегчения. Все-таки и ему, несмотря на свойственный статусу выдержку, нелегко далась беседа с лучшим воином клана Сумиёси-кай.

Автомобиль остановился возле контрольно-пропускного пункта «Дитятки». Макаренко вышел, потянулся, расправляя нехилые плечи, будто не на него были сейчас направлены два пулемета с вышек, расположенных справа и слева от КПП. По ходу, он знал – караульные не выстрелят. Ибо себе дороже. Но бдительность проявить, показать, что службу тащат с зашкаливающим рвением, – это обязательно.

Из дверей КПП вышел хмурый капитан в камуфле с нашивками Службы безопасности. Зыркнул в нашу сторону, скривился, будто муху проглотил, и махнул рукой кому-то невидимому. Видать, предупрежден был, кто приедет и зачем, потому даже документы не спросил. Плюнул в сторону урны, стоявшей неподалеку от нас, и ушел к себе обратно в двухэтажную кирпичную будку с пулеметным гнездом на крыше.

Стальные ворота, закрывавшие проход в Зону, медленно приоткрылись – ровно настолько, чтоб один человек мог протиснуться между створками.

– Ну, удачи тебе, сталкер, – сказал Макаренко. После чего загрузился обратно в УАЗ и уехал. А я вполне себе легально направился туда, куда обычно пробирался глубокой ночью, рассекая «Бритвой» стальные нити колючей проволоки и рискуя поймать свинцовую очередь между лопаток.

В Зону.

– Не стрелять, – раздался позади меня недовольный голос капитана, усиленный громкоговорителем, установленным на крыше КПП. – Это спецагент с особым заданием.

Что ж, Макаренко, и на том спасибо, что предупредил начальника пулеметчиков, засевших на вышках Кордона. Тут парни простые, стреляют во все, что движется в Зоне. И если не дать им четких указаний, вполне могут сработать по инструкции, и пофиг, что объект спокойно вышел из «Дитяток». Человек? Человек. В Зоне? В Зоне. Получи свинцовый гостинец в затылок. Ибо нефиг людям в Зоне делать. Такая вот простая инструкция...

По ночам, пересекая Кордон, на адреналине обычно не замечаешь разницы между так называемой Большой землей и зараженными землями. А сейчас, среди бела дня, в относительно спокойной обстановке, я почувствовал запах.

Вроде несколько метров всего прошел от Кордона и сразу ощутил сладковато-приторную вонь гниющей плоти, смешанную с освежающим ароматом озона: видать, где-то неподалеку притаился «электрод», пару дней назад убивший кого-то.

Возле аномалий постоянно так воняет. Смертью. Любой живой твари нужно чем-то питаться, и аномалии не исключение. Хотя многие считают и аномалии, и артефакты лишь отходами производства «мусорщиков», жутких тварей из другого измерения, что сваливают свой мусор в Зону. А по-

том тот «мусор», обладающий аномальными свойствами, собирают сталкеры для продажи торговцам и держателям баров, которые по сути являются обычными барыгами. Скупают у сталкеров арты за бесценок, а потом продают их на Большую землю, прикрутив к ценнику по десять концов, а то и побольше.

Кстати о барах.

Если хочешь кого-то найти, путь у тебя один – в сталкерский бар. Странные места эти бары, разбросанные по всей территории Зоны. Все о них знают, и военные в том числе. Однако группы зачистки зараженных земель от криминального элемента выпиливают эти злачные заведения крайне редко. Почему – понятно. Уж больно прибыльный денежный ручей течет через те бары на Большую землю, и военные, охраняющие не Зону от нас, а нас от Зоны, в том бизнесе имеют самый прямой интерес. История старая, как мир: тот, кто поставлен охранять склад с ценностями, зачастую выносит из него больше, чем самый наглый ворюга.

Мое предположение подтвердилось: в высокой траве, росшей по обочинам старой разбитой дороги, что-то ярко сверкнуло. Раздался треск, но я был наготове, отпрыгнув в сторону.

Вовремя.

Из травы, сжигая на своем пути зеленые стебли, через дорогу метнулся в мою сторону длинный разряд молнии...

Недостаточно длинный. Я уже по запаху понял, что ано-

малия относительно сыта и потому не будет сильно напрягаться, чтобы раздобыть себе пропитание.

Так и случилось.

В дыре, прожженной разрядом молнии в травяном массиве, я увидел «электрод» средних размеров и обожженное мертвое тело рядом с ним. Судя по обгоревшим обрывкам недорогой кожаной куртки – сталкер. Крался ночью и нарвался на притаившуюся аномалию. Надо же, раньше они так близко к Кордону не подбирались.

Я оглянулся.

Пулеметчики на вышках и на крыше блокпоста смотрели в мою сторону. И начальник КПП стоял возле открытого окна второго этажа, держа в руке чашку. Наблюдали, ожидая, что меня аномалия поджарит. А что им? Сказали пропустить сталкера в Зону – пропустили. Ну а дальше не их забота, что в ста метрах от Кордона живого человека убьет «электрод». Вон, собрались посмотреть на забаву. Сволочи.

Поняв, что развлечения не будет, начальник отошел от окна, а один из пулеметчиков недвусмысленно повел в мою сторону стволом РПК. Мол, проходи, не задерживайся, пока мы не решили, что ты преступник, проникший на запретную территорию.

Ладно, намек понятен.

Я развернулся и пошел вперед по разбитой дороге, параллельно освежая память посредством выданного мне на складе Института навороченного коммуникатора последней

модели. Фактически это был КПК со встроенным модулем мобильной связи, специально разработанный для условий Зоны. Недешевая штука. Подавление помех, устойчивость к радиации, встроенный детектор аномалий, еще куча каких-то наворотов. Макаренко заверил, что прибор прошел все испытания и показал себя превосходно. Что ж, поживем – увидим.

До хорошо знакомых мне баров было далековато. Конечно, то заведения серьезные, раскрученные, и при достаточной доле везения там можно получить необходимую информацию. Но, во-первых, в больших кабаках зачастую тусуются члены основных группировок Зоны, хором объявивших на меня охоту. И, во-вторых, у меня было слишком мало времени для длительных переходов через зараженные земли.

Но выручил навороченный КПК, по запросу «Кабак» выдавший точку на карте в четырех километрах от меня. Заведение называлось «Бар “Сталкерский”». Не припомню такого, по ходу, что-то новенькое. Электронная карта тут же обозначила, что до Чернобыльской катастрофы на этом месте было небольшое село Каменка, эвакуированное после аварии. Что ж, можно попробовать поискать информацию о Меченом там, ибо все равно больше нигде...

* * *

Четыре километра в Зоне бывают разными. Кто-то прой-

дет их запросто, не встретив ни мутантов, ни аномалий, ни бандитов, лишь подпортив себе настроение унылыми пейзажами, грозовым небом, словно давящим на макушку, да жидкой грязью, из которой приходится выдирать берцы, едва сойдя с дороги.

А кому-то везет меньше...

Он лежал на спине и напряженно смотрел в небо, будто надеясь увидеть там что-то очень важное для себя. Сталкер. Обычный, из одиночек, каких много шатается по зараженным землям в надежде найти здесь свое счастье. Или свою судьбу.

Этот – нашел.

Но не счастье.

Лужу. При приближении к которой мой КПК со встроенным детектором аномалий предупредительно затрещал. С виду обычная лужа – большая, грязная, с бензиновыми разводами на поверхности. Сталкер лежал возле нее, ноги – в ней. Вернее, то, что от них осталось. Лужа была мутной, но мелкой, и я ясно видел под поверхностью воды голые кости – все, что осталось от ног несчастного. А то, что было выше, что не коснулось поверхности аномалии, осталось нетронутым.

Я аккуратно обошел аномалию и приблизился к сталкеру.

– Больно?

Он перевел глаза на меня.

– Нет. Только кажется, что с ногами что-то не так. Шел

себе – и вдруг перестал их чувствовать. Упал. Теперь боюсь вниз посмотреть. Про эту Зону много всего рассказывают. Но ничего. Вот соберусь с духом, встану, и дальше пойду. Только это... Браток. Глянь, что там с ногами. Нормально же все, да?

– Нормально, – сказал я, незаметно для несчастного растегивая кобуру «глока». – Бывает такое здесь. Усталость, нервы. Отдохнешь – и шагай себе дальше.

Парень был крупный, кило под сто. Я такого точно три оставшихся километра до бара не дотащу. А если б даже и да, то бар – это не госпиталь для инвалидов. Прирежут потихому, труп обчистят до нитки, а тело отнесут метров на двести, чтоб содержимым рваных кишок не воняло, и бросят на радость ночным мутантам. К Кордону тащить – тем более без толку. Там всех, кто из Зоны выходит, косят из пулеметов без разбору – как и тех, кто пытается проникнуть в Зону.

Но незаметно не получилось. Почувствовал он, хоть и не видел, что делаю, – я со стороны макушки зашел.

– Я так и понял, что это всё, – сказал он на удивление спокойно. – Просто сам не смог... ну, ты понимаешь. Выручи, браток. Сделай так, чтоб сразу. Сможешь?

– Конечно, – сказал я. – Больно не будет, не переживай.

– Спасибо, – сказал он.

Я поднял ствол пистолета, совмещая мушку со лбом сталкера, покрытым крупными каплями пота.

– погоди, – негромко произнес он. – Я тут нашел... как

это называется у вас? Артефакт? Забери себе за услугу. Не привык я должным быть кому-то. У меня в правом кармане. Не знаю, ценный или нет, я впервые в Зоне. Только забери обязательно, ладно?

– Ладно.

Он говорил что-то еще. Ему было страшно. Смерть в первый раз – это всегда страшно, потом привыкаешь. А сейчас он хоть и принял решение, однако, как любое живое существо, оттягивал последний момент. У меня же было слишком мало времени, чтобы смотреть на то, как он пытается отсрочить неизбежное. Прости, сталкер, но я не могу себе позволить тратить на это свои драгоценные секунды.

Хлопнул выстрел. Рукоять мягко ткнулась в ладонь – у этой модели «глока» на редкость деликатная отдача.

Я не соврал, сталкер-новичок и правда ничего не почувствовал: под австрийский «глок» мне были выданы так называемые «полицейские» патроны 9×19 с пулями, оставляющими во лбу аккуратное круглое входное отверстие и выносящими на выходе мозга вместе с затылочной костью. Когда у человека в черепе внезапно появляется дыра, в которую можно засунуть кулак, смерть приходит быстро и совершенно безболезненно.

Времени у меня было в обрез, но я привык выполнять обещания. Засунув руку в карман мертвецу, я вытащил оттуда артефакт, цветом и правда похожий на темно-красное небо перед выбросом. Был он величиной с грецкий орех и немно-

го напоминал «Кровь затона». Правда, внутри у него находилась не маленькая галактика, а крупное вытянутое включение, напоминающее глаз змеи. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться: я держу в руке тот самый «Глаз Выброса», о котором говорил Макаренко.

Впрочем, возвращаться обратно было рано. Помнится, Андрей говорил о нескольких артефактах, а это как минимум два. Блин, и зачем я в это ввязался? Найти в Зоне пару уникальных артефактов за сутки – задание в высшей степени невозможное.

Хотя – уже один.

Я на всякий случай обыскал труп, но не обнаружил ничего, кроме тощей пачки советских рублей образца шестьдесят первого года, имеющих хождение в Зоне в качестве местной валюты, полупустой пачки сигарет, китайской зажигалки, надкусанного батона серого хлеба и сложенной пополам фотографии какой-то девчонки, на обороте которой было написано пять слов: «Люблю, жду, надеюсь. Твоя Аня».

– Не надейся, Аня, – сказал я, кладя фото обратно за пазуху мертвецу. – Ждать сталкера – безнадежное дело.

После чего спихнул труп в лужу. Так, на мой взгляд, лучше, чем если тело будут жрать мутанты.

Лужа приняла подношение благосклонно: запузырилась, зачавкала, пожирая еще теплую плоть. Бензиновые пятна на ее поверхности стали незаметными, смешавшись с алой кровью.

– Упокой тебя Зона, сталкер, – произнес я, следом бросая в лужу оставшийся от мертвеца обрез охотничьего ружья, перемотанный синей изолентой. Чем меньше мусора будет в Зоне, тем лучше.

Следы парня вели от «Бара “Сталкерский”» к Кордону. Вряд ли новичок шел сдаваться военным, скорее направлялся к логову Жмотпетровича, пожалуй, самого известного торговца Зоны, которого не трогали даже каратели с Большой земли, периодически прочесывающие зараженные земли в поисках преступного элемента.

Ясно. Не сторговался в баре и решил попытать счастья в другом месте. Но не дошел. Такое случается порой, когда ищешь, кому бы впарить свой хабар подороже. Особенно в Зоне.

Но, с другой стороны, кто знает – может, он один арт там продал, а на второй у бармена тупо бабла не хватило. Тоже вариант. Так или иначе, в бар мне нужно было срочно, и я, наконец вспомнив про КПК и включив его, пошел вдоль следа парня, ускоряя шаг.

С новым карманным коммуникатором это было возможно даже в Зоне, где рекомендуется двигаться с крайней осторожностью. Навороченный прибор начинал потрескивать метров за десять до аномалии, одновременно самостоятельно отмечая на карте не только собственно опасное место, но и тип аномалии, ее размеры и смертоносный потенциал по шкале от одного до десяти. В целом, надо признать,

потрясающая разработка, никогда ничего подобного в руках не держал.

Коммуникатор задребезжал, выдав на экран изображение телефонной трубки. Я нажал на кнопку.

– Это Макаренко, – громко и чисто сказал динамик. – Чего трубу не берешь?

– Природой любовался, – буркнул я.

– Ясно, – хмыкнул Макаренко. – Как успехи?

– Нашел один арт, – сказал я. – Вроде тот самый «Глаз Выброса».

– Пришли фото.

Я щелкнул камерой, отправил, продолжая удивляться возможностям гаджета. Отсюда, из Зоны, фотографии отправлять, где и аномальный, и радиационный фон глушит практически любые сигналы, – это вообще за гранью.

– Это он, – сказал Макаренко. – Ищи дальше. Нужно как минимум пять таких артов.

– Сколько? – слегка опешил я. – Пять «уников», каждый из которых стóит на Большой земле, как неслабый коттедж в элитном поселке? Что ж ты мне раньше об этом не сказал?

– Ты мог отказаться, – равнодушно произнес Андрей.

– А сейчас мне, типа, деваться некуда?

– Совершенно верно, – отозвалась трубка. – Время идет, и это, как ты понимаешь, твое время. Потому не трать его попусту. Удачи.

Экран погас.

Я зло сплюнул. Задание из крайне сложного превратилось в просто невыполнимое. Но Макаренко был прав, деваться мне некуда. Можно, конечно, вернуться и в лужу макнуться, разом решив все проблемы. Или еще проще – разнести себе в хлам башку пулей повышенного останавливающего действия...

Но я такое решение проблем никогда не приветствовал. Банально, скучно, неинтересно. Я, когда встаю перед выбором, сдохнуть сразу или помучиться, предпочитаю побарахтаться. Глядишь, за то время, пока мучишься, проблема решится и подышать станет совсем не обязательно.

И я двинулся по следам мертвого парня, держа в одной руке коммуникатор, а в другой «глок» – на случай, если мутант или какая-нибудь двуногая тварь решат, что мое мясо или снаряга им нужнее, чем мне.

Правда, ушел я недалеко...

Аномалии – они разные бывают. Одни тебя плюшат, другие на куски разрывают, третьи жгут, четвертые выкручивают, как мокрую тряпку... Но бывают и такие, что вроде бы с тобой ничего ужасного не происходит, а на самом деле это не так. «Болтовня», например. Мелешь языком всякую чушь и остановиться не можешь. Или «дуга», что мозги изнутри выжигает. Или вот как сейчас...

Я сразу почувствовал: что-то не то со мной происходит.

Тоска накатила. Жуткая. Нереальная. Когда на Большой земле кто-то говорит, что у него депрессия, и при этом хо-

дит, ест, спит, – брешет, сволочь. Не знает он, что это такое, и не знал никогда. Депрессия – это когда ты вдруг осознаёшь: всё вокруг тебе настолько обрыдло, что жить просто незачем. Более-менее нормально, когда ты остановился, не шевелишься, даже глазами яблоками не двигаешь. Но сто́ит двинуться – всё. Тоска накрывает тебя страшной волной, и ты в мгновение ока падаешь на самое дно той колоссальной волны, взметнувшейся до самого неба, и вся эта тяжеленная масса начинает давить на плечи, шею, голову, мозг, плюща его в тонкий блин из плоти, корчащейся от невыносимых страданий...

Я стоял – и понимал, что простою так недолго. Меня колотил озноб, пот струился по лбу, шее, мерзкими холодными струйками щекотал лопатки. И при этом осознавал я, что выход есть, но лишь один. Простой, как патрон в моем пистолете, уже досланный в патронник...

Оставалось немного. Элементарное движение – поднять руку, положить подбородок на ствол и шевельнуть указательным пальцем. Несильно, у этого «глока» спуск очень щадящий, не то что у «макарова», например...

Я видел, как пистолет поднимается словно помимо моей воли – и мне от этого было немного легче. Ведь еще пара секунд – и всё закончится. Не будет этого страшного давления, тоска эта нереальная исчезнет, и жизнь моя, бессмысленная и никому не нужная, вместе с ней прервется наконец-то. Не этого ли я всегда хотел подсознательно? Не оттого ли всегда

прямо глядел в глаза смерти и шел навстречу ей без страха – потому что тот, кому жизнь не дорога, никогда за нее трястись не будет...

Теплый, еще не остывший срез ствола коснулся подбородка. Ну, вот и всё. Привет, Сестра, надеюсь, ты простишь своего побратима за все...

Указательный палец шевельнулся. Сколько там еще до освобождения? Миллиметр? Два?

Внезапно что-то затрещало. Он и раньше был, этот треск, но сейчас прям как-то по-особенному застрекотало, пронзительно, неприятно, аж мой сплюснутый мозг вздрогнул от омерзения.

И тут я увидел.

Оно выглядело как жирная красная точка на экране коммуникатора, приближающаяся ко мне сбоку. Похоже, разработчики оставили без изменений это наследие старых КПК, разработанных для Зоны, где мутанты и агрессивные двуногие обозначались именно так. И рефлекс на такие точки был у меня один, который никакой вселенской депрессией не перебить.

Я словно себя ломал, когда разворачивался влево. Будто внутри у меня скелет стал стальным, и мне страшным усилием воли и мышц, сведенных судорогой, пришлось его погнуть, искорежить, чтобы повернуться – и закончить движение указательного пальца. И потом повторить его.

Еще.

Еще!

И еще раз!

Это был странный симбионт. Похоже, он когда-то был сталкером, который попал в аномалию – и немислимым образом выжил, сросся с ней, стал ее частью. Выглядел он как человек с телом, напоминающим полупрозрачную, студенистую плоть медузы. Лица видно не было – так, одни расплывшиеся контуры. Глаз – тем более, лишь впадины на их месте, в которые я всадил несколько пуль, одну за другой.

Думаю, будь у меня в магазине обычные пули со стальным сердечником, я бы вряд ли причинил этой твари какой-то вред. Прошили б они студенистую массу насквозь, вот и весь эффект.

Но в данном случае – сработало.

Я прям точно в замедленной съемке увидел, как мои «полицейские» пули плющатся, попадая в это месиво, отдаленно похожее на человеческую голову, и рвут его на куски!

Тварь покачнулась. Нет, я не убил ее, просто дестабилизировал слегка – и этого оказалось достаточно, чтоб меня отпустило. Тяжкий груз свалился с плеч, освободив мое тело от оков истинной депрессии, и этого вполне хватило, чтоб я сорвал с разгрузки гранату с заранее сведенными усиками, сделал три быстрых шага вперед, сунул стальное зеленое «яблоко» в дыру, проделанную пулями, – и упал ничком.

Сверху что-то чавкнуло, потом громко хлопнуло. Мне на шею шлепнулся кусок слизи, который я, вскочив на ноги,

сбросил стволом, так как руки были заняты пистолетом и КПК, который только что спас мне жизнь...

Тварь умирала. Сейчас она стояла на коленях с развороченной башкой и медленно растекалась, словно тающий снеговик... превращаясь в лужу. Не в такую ли, которая лишила ног того сталкера, которого я пристрелил из жалости? Хотя, в общем-то, какая разница. У меня сейчас есть более важные дела, чем выяснение природы новой, ранее невиданной аномалии.

От встречи с псиоником, загадившим мне мозги депрессухой, чтобы покушать без проблем, осталась лишь мокрая спина да легкое дрожание кистей, которое практически тут же и прошло. Неплохой урок, кстати, для тех, кто собрался наиболее простым способом решить свои проблемы, сбежав от них в Край вечной войны. Просто нужно собраться с силами, пересилить себя, сломать, если нужно, – и разобраться с тем, что мешает жить. Порой это очень сложно, часто кажется невозможным. Но оно лишь кажется, до тех пор, пока ты, стиснув зубы, не примешь единственно правильное решение – выжить. И жить дальше, несмотря ни на что!

Преисполненный таких мудрых философских мыслей, я двинулся вперед, сначала еле переставляя ноги от слабости. Но организм, закаленный в битвах со всякой пакостью, довольно быстро восстановился – и я осознал, что держу в руке неработающий коммуникатор.

Который умер от слова «совсем».

Нажатие на все доступные кнопки подряд не привело ни к чему. Я держал в руке навороченный аппарат в титановом корпусе, который банально сдох от направленной пси-волны, сгенерированной ходячей аномалией.

Вот тебе и суперсовременная разработка, сконструированная специально для зараженных территорий. У Жмотпетровича в бункере, помнится, стоит древний ламповый передатчик, подшаманенный артефактами, который покрывает всю Зону и держит устойчивую связь с любым сталкерским КПК даже самой дешевой модели. И Выбросы пронеслись над тем бункером, и целое болото с аномалиями под боком – и ни черта тому агрегату не делается. А тут, блин, целый НИИ голову ломал над прибором, а в результате получилась хрень. И люди такие бывают: с виду прям принц сказочный, а внутри – лишь гниль да дерьмо крысособачье.

Я со злостью швырнул прибор перед собой. Он ударился о землю, подпрыгнул, повис в воздухе – и, объятый не пойми откуда взявшимся синим ореолом, начал плавиться, словно эскимо, которое подержали над костром. Миг – и он стек на землю, превратившись в небольшой шарик с поверхностью, красиво отливающей синевой. На первый взгляд – натуральный артефакт. Лежит себе на траве, бери – не хочу.

Но я, понятное дело, брать его не стал. Наоборот, обошел странное место по широкой дуге, потратив для промера пути единственную гильзу – которая, кстати, тоже превратилась в крохотный металлический шарик. Фиг знает, что это

за аномалия такая невидимая, которая лепит из предметов заманухи в виде муляжей артефактов, но мне в нее соваться точно не хотелось.

По ходу, в гиблое место я забрел: куда ни плюнь – на каждом шагу аномалии да мутанты. Пора отсюда выбираться. Жаль, конечно, что коммуникатор накрылся, но нужно отдать ему должное: от смерти он меня спас. Погиб, как солдат в бою. Обычно затаившиеся аномалии как-то себя обозначают – трава примята, или, например, обожжена слегка, останки жертв разбросаны там и сям, или хотя бы на земле тень, которую отбрасывать вроде как и нечему. А тут – ничего. Пустота, в которую шагнул – да и стек на серую траву Зоны, превратившись в сырую фрикадельку. Странные дела творятся в Зоне, ох, странные... Аномалии невиданные, мутанты, о которых я ни разу не слышал. Неужто это все следствие моих экспериментов со временем? Кстати, очень даже может быть...

Если в карманах нет болтов, гаек или гильз, впереди себя можно бросать просто камни или комочки земли, нагретые в ладони. На них аномалии реагируют хуже, чем на металл, но по реакции воздуха впереди опытный сталкерский глаз все же может выловить неестественные колебания, дабы понять, что впереди – свободный проход или притаившаяся аномалия.

Пару раз я обходил участки, показавшиеся мне опасными, но в целом дальше я шел без приключений. Для Зоны нор-

мальная ситуация. То шаг в сторону боишься сделать, опасаясь остаться в лучшем случае без ноги, то идешь себе, будто на прогулке, и ни аномалий тебе, ни мутантов, ни сволочей разных...

Я даже не понял сперва, что вышел к тому самому бару, обозначенному на карте, которой у меня уже не было. Выглядел он как здоровенный сарай для сена, в котором бензопилой выпилили небольшие окна. Старый, почерневший от грязи и времени, с крышей, местами просевшей вниз. На крыше сидела крупная ворона и чистила перья длинной шакалей пастью. В Зоне мутирует все, что попадает под сильное аномальное излучение, и вороны – не исключение.

А бар, между прочим, как раз и находился в опасной зоне. От села Каменка остался лишь этот сарай и несколько полуразвалившихся изб, вросших в землю по самые окна. Так в окнах одной избы мерцало нездоровое синее пламя, с крыши другой свисали полужидкие сосульки ядовито-зеленого цвета, а третью вообще полностью накрыло свечение, по виду схожее с Полями Смерти из вселенной Кремля. Жутковатое место.

Только сарай выглядел более-менее сносно. Даже вывеска над дверью была прибита двумя ржавыми гвоздями с криво нацарапанной углем надписью: «Сталкерский бар». И третьим гвоздем к той же вывеске прибита смятая банка из-под пива – видимо, чтобы ни у кого сомнений не возникло, что это действительно питейное заведение.

Ну, откровенно говоря, в Зоне редко встретишь кабак, даже отдаленно похожий на кафе и рестораны Большой земли. Тут все организовывается по принципу «как смогли», и сталкеры рады любому месту, где можно отдохнуть, покушать, выпить и спокойно пообщаться, не опасаясь быть убитым из-за того, что собеседнику твои ботинки понравились. Конечно, при виде этого сарая у меня возникли определенные сомнения, что мои берцы и все остальное в полной безопасности, но обычно в барах Зоны не беспредельничают. Прежде всего, это невыгодно хозяину: пройдет слух, что в его кабаке клиентов обирают и валят почему зря, – и, считай, разорился бар, никто больше туда не пойдет.

Да и других вариантов у меня не было, потому я решительно направился к мрачному сараю, который, судя по виду снаружи, идеально подошел бы для съемок фильмов ужасов.

Впрочем, он и внутри выглядел так, что сгодился бы для этого просто идеально.

Я перешагнул порог – и застыл на месте, оценивая обстановку и соображая, что делать. То ли поздороваться, то ли с ходу перекинуть автомат со спины в руки и начать зачищать помещение. Просто на всякий случай.

Внутри сарай был таким же грязным, как и снаружи. Стены и потолок черные от многих слоев копоти. Пол загажен, заплыван и усеян слежавшимися, стоптанными в пласты окурками – по ходу, хозяин заведения даже не догадывался о том, что полы можно подметать и мыть.

Вместо столиков и лавок посреди кабака были сложены стопками советские ящики из-под боеприпасов. Видимо, в порядке исключения, на весь бар был лишь один стол, длинный и загаженный донельзя, не иначе – для вип-гостей. И зеленые ящики рядом с ним вместо стульев чуток поновее остальных. Похоже, хозяин где-то неподалеку старый военный склад нашел и решил не заморачиваться насчет мебели. Кстати, барная стойка была из таких же ящиков сложена – облезлых, с ржавыми замками, с высохшими потеками от пролитых на них соусов и выпивки.

Бармен за стойкой тоже был облезлый. В прямом смысле. С его лица мясо с кожей сползли чуть меньше чем наполовину, и оставшиеся куски были не особо аккуратно подклеены к обнажившемуся черепу где пластырем, где скотчем, где просто на скорую руку пришиты друг к другу черными нитками. На полностью голый костяной лоб свисала длинная сальная челка, из-под которой на меня уставились круглые глаза, лишенные век, похожие на желтые шарики, вставленные в орбиты.

Четверо посетителей бара выглядели не лучше. У них тоже наблюдались неполадки с мясом, решительно не желавшим держаться на костях.

Один просто тупо забинтовал все, что бинтовалось, и сейчас из-за гнойных разводов на повязках выглядел как несвежая мумия.

Второй тупо забил на косметику и внешний вид, по ходу,

оторвав от себя все, что не желало держаться. Теперь он напоминал скелет с прикрепленными к костям обнаженными сухожилиями и на удивление неплохо сохранившимся лицом, разве что через дыры в щеках зубы были видны.

Два других... или один, не знаю, как будет правильно. Короче, срослись они спинами – то ли родились такими, то ли аномалия постаралась. По их рукам видно было, что они тоже слегка облезли, но остальное скрывало объемное грязное пальто и две маски с облупившейся краской – одна улыбающаяся, с направленными вверх уголками широкого рта, вторая печальная, у которой уголки прорези под носом были направлены вниз. Я это рассмотрел потому, что одна маска, увидев меня, немедленно повернулась на сто восемьдесят градусов – чтобы вторая рассмотрела нового посетителя. Гибкая у мута шея, ничего не скажешь.

Что интересно, перед этими тварями на ящиках была разложена нормальная сталкерская жратва – тушенка, хлеб, колбаса, а также стояли стаканы, пиво в банках и несколько бутылок с водкой, как полных, так и пустых. То есть жрать и закладывать за воротник этим полуразложившимся созданиям их состояние нисколько не мешало. Также я заметил, что и с оружием у них все в порядке – к ящикам были прислонены два автомата, на поясе сиамских близнецов я заметил кобуру, а скелет при моем появлении застыл с боевым кинжалом, зажатым в костяных пальцах, которым он до того наворачивал тушенку из вскрытой банки.

Ну, я чудовищ много повидал в разных вселенных Розы Миров, потому очередной шайке мутантов не удивился. Главное, чтоб местная аномалия, которая их приласкала, на сам бар влияния не оказывала, а то как-то не хочется подыхать столь омерзительным способом.

Сделав вид, будто все так и надо, я подошел к стойке – и поздоровался нейтрально, ибо фиг знает, какие тут у них порядки. Может, за «здрасте» тут принято в лоб стрелять, а за «вечер в хату» вообще расчленяют на запчасти для разваливающихся посетителей.

– Мир этому дому.

Бармен выпятил челюсть. Будь у него губы, это, наверно, должно было бы обозначать презрительное оттопыривание нижней, а так только челюсть заскрипела, словно открываемый старый чемодан.

– Че надо? – довольно связно произнес он.

– Информацию, – отозвался я.

– Инфа бабла стоит.

Ну что, вполне нормальный разговор идет пока что. Я вытащил из кармана красный артефакт, положил его на стойку, попутно сбив с нее щелчком беременного таракана величиной с половину моей ладони.

Желтые шары с едва намеченными отверстиями зрачков уставились на «Глаз Выброса».

– Где взял?

А вот тут бармен уже не прав, так как в Зоне такие вопро-

сы задавать неприлично. Тут по-любому два варианта могут быть: нашел, но кто ж рыбное место выдаст? Или отнял – и кто ж про такое расскажет? Потому за подобный интерес запросто можно схлопотать кулаком в желтый шар под сальной челкой, а особо нервный сталкер вполне способен туда и ножом сунуть. Чисто чтоб у спрашивающего всегда было при себе монокулярное напоминание насчет того, чем интересоваться лучше не надо.

Но я сталкер спокойный и до поры до времени вежливый, посему на вопрос ответил сдержанно:

– Где взял, там уже нету. Если инфа имеется – покупай, предложение щедрое. Если нет – до свидания.

Бармен глубокомысленно шмыгнул обеими дырами на месте носа.

– Че интересуется?

– Интересует, где найти сталкера по прозвищу Меченый.

На мгновение в баре повисла гробовая тишина. Даже было слышно, как по стойке к ее краю ковыляет травмированный таракан, шурша по плохо оструганной древесине капсулой-оотекой, наполовину вылезшей из-под крыльев.

– Ага, ясно, – наконец пришел в себя бармен, накрывая облезлой лапой артефакт. – Есть такая инфа, договоримся. Но не для всех она. Скажу тихо, на ухо.

И наклонился, положив на стойку брюхо, похожее на сдутый футбольный мяч.

Признаться, звякнула моя чуйка о недобром. Бывает у ме-

ня такое, будто внутри струна зазвенела, тонко так, тревожно... Но я прикинул – бармен хоть и крупный тип, однако в случае чего я ему пальцами в гляделки ткну как нефиг делать, благо промахнуться в такие шары – это надо сильно постараться. А от удара в глаза любая паскуда немедленно забывает про все свои подлости и думает лишь о том, как спасти органы зрения. Твари же, что за моей спиной сидели, вроде не дергались, сделав вид, что их происходящее не касается. Это правильно, а то хоть автомат у меня на спине, зато кобура открыта, и выдернуть оттуда «глок» – дело одной секунды.

В общем, облокотился я на стойку, сразу же ощутив, как из пасти бармена пахнуло жесточайшим смрадом, от которого менее стойкого человека немедленно вывернуло бы наизнанку. Даже у меня желудок нервно дернулся, выплеснув неприятную порцию своего содержимого в пищевод...

Короче, отвлекся я на мгновение, сглатывая неожиданную отрыжку – и лишь краем глаза уловил сбоку стремительное движение. Да уж, не ожидал я, что практически скелет может столь быстро двигаться – небось, за счет сухожилий и отсутствия избыточной массы получил способность стартовать с места на манер ракеты.

Но я б его перехватил ударом берца в душу, а после уже из «глока» доработал, если бы подлый бармен не дернул меня за рукав куртки довольно сильно. Сбил удар, сволочь...

А потом сзади раздался тупой звук резкого и сильного

удара, будто прикладом по чьему-то затылку заехали. Я едва успел осознать, что это, скорее всего, по моему прилетело. Даже боль не успела прийти, как меня моментально и бесповоротно накрыла темнота.

* * *

Конечно, пройти расстояние от Токио до Киева можно и через страну Токоё – благо ходил, и не раз. Но, с другой стороны, мертвые забирают силы, которые им нужны, чтобы жить своей очень другой жизнью, которую никогда не понять живым. И если правильно не рассчитать эти свои силы, можно остаться в стране Токоё навечно.

Сейчас Виктор не был уверен, что сможет пройти этот путь. Глава клана Ямагути-гуми выбил его из равновесия. Савельев осознавал: когда все мысли там, с дочерью, он слаб – ибо, как бы это жестоко ни звучало, в битве нужно думать о битве, а не о близких. Потом – да, просто необходимо.

Но не до.

И не во время битвы.

Однако Виктор не ощущал равновесия внутри себя, а это значило, что он либо вывалится из страны Токоё полутрупом, выжатым словно лимон, либо вообще не вернется оттуда. Потому он предпочел воспользоваться предложением главы враждебного клана и лететь самолетом.

Само собой, он прошел «зеленым коридором». А когда

сотрудник таможи зацепился взглядом за необычную ручную кладь пассажира, Виктор просто мысленно отвел в сторону этот взгляд – и таможенник мгновенно потерял интерес к пассажиру, одетому в свободный черный костюм необычного покроя.

Соседей в самолете Виктор просто усypил: одному будто случайно дотронулся пальцем до точки на шее, второму пристально посмотрел в глаза, мысленно передав приказ очнуться лишь когда он щелкнет пальцами. И, само собой, коснулся намерением области мозга, отвечающей за память: совершенно ни к чему, чтобы пассажиры потом вспомнили о необычно одетом соседе по бизнес-классу.

История повторилась, так как рейс был с пересадкой, вот только энергозатраты по отвлечению внимания людей и работе с их памятью были минимальны в сравнении с физическим переходом через страну мертвых. Искусством *сионкан саймин-дзюцу*, мгновенного гипноза, более-менее владеет любой синоби¹⁰ начального уровня. А переход через страну Токоё доступен лишь Мастерам уровня Пустоты...

Из здания аэропорта Борисполь Виктор вышел, когда на часах была половина одиннадцатого ночи. Следовало поторопиться. Он попытался вызвать такси по мобильному – глухо. Случайно ли, нарочно ли, но возле аэропорта свободных

¹⁰ Синоби – японское прочтение китайского иероглифа «ниндзя» (в переводе «человек, умеющий ждать; тайный агент»). В Древней Японии ниндзюцу и синобидзюцу были синонимами.

машин не оказалось. Плюс связь тупить начала – то вроде есть она, то уже нет. Виктор отошел подальше в темноту, надеясь поймать сигнал – но он, зараза, совсем сдох. Забавно. Что ж теперь, придется до пункта назначения ногами топтать на ночь глядя?

Не пришлось.

Таксисты, рыскавшие поблизости, словно пираньи в поисках добычи, на пассажира, копающегося в телефоне, отреагировали сразу. Двое ненавязчиво обступили заокеанского гостя с двух сторон, третий зашел спереди и участливо поинтересовался:

– Куди хотите поихати?

Савельев окинул взглядом троицу крепких парней, отметил еще двоих, словно невзначай наблюдавших за происходящим. И ежу понятно: эти навязчиво-услужливые ребята к официальному такси не имеют никакого отношения. Небось еще в аэропорту «срисовали» одинокого пассажира, прошедшего «зеленым коридором». Наметили добычу, как-то заглушили мобильный сигнал и теперь обрабатывают жертву довольно грубо, давая понять, что деваться некуда. Ну а чего стесняться? На улице темно, полиции не видно. Тот, что спереди, невзначай полу куртки приподнял, продемонстрировав рукоять пистолета.

– Вы уверены? – скучно поинтересовался Виктор.

– Тю, москаль, – скривился тот, что слева. – С Японии. И чоґо японський москаль в України забув?

Троица хором заржала, но это был лишь отвлекающий маневр.

Тот, что стоял слева, выдернул из кармана электрошокер, метя им в шею Виктора – и при этом наверняка думал, что ударил молниеносно.

Что ж, его движение было действительно быстрым – но не для того, кого в Японии прозвали духом провинции Оми.

Савельев резко отклонился, пропуская мимо лица руку с шокером, после чего, сделав шаг назад, просто позволил движению противника продолжиться...

Парень даже не понял, как так получилось, что цель, которую он ясно видел перед собой, вдруг исчезла – и шокер со всей силы врезался в глаз кореша, стоящего справа от «москаля».

Кореш заорал дурниной и, не разобравшись, что почему, ударил ножом, длинной «выкидухой», которую вытащил из кармана. Удар снизу вверх у него был поставлен хорошо, не зря на селе все его звали свиной колотью. Прямо в сердце попал, не смотри, что сослепу.

– Ты чего?.. С-сука... – прохрипел ударенный, чувствуя в груди странное стеснение, когда вдохнуть не можешь, только на выдохе слова выходят.

Кореш с шокером не ответил. Хотел – да не получилось. Виктор коротко ткнул его согнутым пальцем в точку нокаута, расположенную под мочкой уха – и парень мешком рухнул на асфальт.

Виктор вздохнул. Люди разочаровывали его все больше и больше. Слишком многие из них считали, что лучше отнять, чем заработать, что лучше обмануть, чем жить с чистой совестью. Сейчас один из таких лежал у его ног, держась за нож в груди и не веря, что это всё. Молодой, здоровый, мать, небось, домой ждет добытчика, или жена, может, и с ребенком. Жил бы по-человечески – дождались бы...

А третий, похоже, вожаком был в группе – ибо имел определенный опыт боевых действий. Все произошло в считанные секунды, но он успел сориентироваться и отскочить назад, одновременно выдергивая пистолет из кобуры скрытого ношения.

И это было зря.

Виктор, в отличие от большинства профессиональных убийц, не любил лишать жизни кого-либо и делал это лишь по необходимости. Но когда в тебя какой-то упырь целится из огнестрела, такая необходимость становится очевидной.

Стальные заточенные стержни и металлические «звездочки» в средневековой Японии пользовались большой популярностью у всех кланов синоби. Если обучен с ними работать, весьма удобная штука – компактная и смертоносная в умелых руках.

Вот только прогресс не стоит на месте.

Небольшая авторучка с корпусом из тяжелого полимера и острым колпачком со страшной силой ударила в плечо, поразив лучевой нерв и полностью «отсушив» руку. Пистолет

выпал из разжавшейся кисти. Однако стрелок не растерялся, попытался перехватить его в полете другой рукой – но не вышло. Вторая такая же авторучка вонзилась ему в глаз, пробила мозг, и застряла глубоко в черепе – где немедленно начала растворяться.

Удобная штука эти авторучки. Если перед броском повернуть колпачок, стержень распадется, и специальные чернила начнут быстро растворять метательный снаряд изнутри. Полезное новшество для тех, кто обучен работать сюрригенами именно по глазам противника: все-таки не очень приятное занятие – ломать лицо мертвеца, чтобы достать снаряд, который однозначно вызовет вопросы у полиции.

Виктор вздохнул еще раз, подошел, вытащил первую авторучку из плеча мертвеца, потом забрал из его кармана ключи и направился к машине, стоящей неподалеку. Валявшегося без сознания бандита он добивать не стал: ударенный скоро очнется и свалит, а приехавшие правоохранители увидят лишь двоих парней, радикально и навсегда выяснивших отношения друг с другом. Полиция точно не станет обращать внимания на мелкие несостыковки – дело, считай, раскрыто на ходу, и никому не интересно, как оно было на самом деле.

* * *

Темнота, накрывшая меня, довольно быстро отступила. Когда лежишь на чем-то твердом крупной шишкой, вспух-

шей на твоём затылке, экстремально омерзительные болевые ощущения оперативно возвращают тебя в действительность. До той шишки лучше б было вообще не дотрагиваться, не то что давить на нее моим черепом. О чем я, собственно, и собрался сказать тем, кто додумался положить меня на твердое...

Но не сказал, поняв, что рот мой заткнут сырой вонючей тряпкой, которая вдобавок зафиксирована завязанным на затылке полотенцем. Грамотная тема для того, чтобы пленник кляп не выплюнул.

Желудок мой дернулся снова, причем гораздо сильнее, чем в прошлый раз. Но я усилием воли подавил рвотный позыв, ибо захлебнуться собственной блевотиной в мои планы совершенно не входило. В таких случаях самое разумное – это глубоко дышать носом и думать о чем-нибудь приятном. Например, как я буду кромсать в кровавый фарш весь этот паноптикум уродов, лишь только освобожусь.

Хотя вопрос с освобождением был довольно непростым.

Вся банда столпилась вокруг стола, к которому я был накрепко привязан. Человекообразные муты во главе с барменом изучающе тарацились на меня, словно на моей тушке была нарисована подробная карта кладов, зарытых в Зоне.

– Это точно он? – с сомнением спросил бармен, в лапе которого был зажат большой мясницкий нож.

– Он самый, – ответил скелет, в подтверждение своих слов слишком энергично тряхнув башкой, отчего от нее оторва-

лось почерневшее ухо и шлепнулось на пол. – Я его видел еще на базе боргов, когда сам красно-черным был. Он тогда немало наших положил, сволочь.

Скелет зло пнул стол, на котором я лежал.

– А тебя чего не положил? – поинтересовался из-под улыбающейся маски один из сиамских близнецов.

– Не смог, – окрысился скелет. – Хоть и пытался.

– Ну да, ты ж, небось, всегда герой был на тему со спины по затылку долбануть, – из-под бинта прогундосила мумия. – Такие храбрецы обычно при реальном хипеже делают ноги с такой скоростью, что их Выброс хрен догонит.

Скелет резко развернулся, в его костистой, облезлой лапе словно по волшебству оказался стакан, край которого мутант ловко отбил о край стола. Неприятный вариант «розочки»: если умеючи его в морду всадить, то он и через бинты пробьет до самого черепа.

– Хорош собачиться! – рявкнул бармен. При этом его пасть разинулась так, что нижняя челюсть достала до третьей пуговицы кожаной жилетки. От этого жуткого рева зазвенели бутылки на полке за стойкой, а присутствующие аж слегка присели.

– Нам дело надо делать, а не друг друга кромсать, – прорычал бармен немного потише. – Значит, это и есть тот самый супер-пупер крутой Снайпер, Легенда Зоны, мать его, и все такое. Хлипкая какая-то легенда, если с одного легкого щелчка по затылку вырубился.

Мутанты заржали. Ну да, ну да, фиг ли не ржать над тем, кто не может прям сейчас встать, дать в рыло и глаз на копчик натянуть. Вы, уроды, меня развяжите, а там посмотрим, чьи щелчки по тыкве лучше вырубают.

Но сказать я этого не мог – мешала тряпка, туго ввернутая меж зубов. Потому оставалось лишь слушать и пытаться понять, за каким лешим я им облокотился. Хотели б только ограбить и убить – давно бы сделали и то и другое. Видимо, пока меня мочить не хотят. Почему, интересно?

Любопытство на эту тему разбирало не только меня.

– Все это, конечно, ржачно до жидкого поноса, – произнес близнец с трагической маской. – Только, может, проще отрезать ему голову, не теряя времени на пустой треп, а потом спокойно продолжить ужин?

– Дурак ты, причем два раза, – осклабился бармен. – У этой легенды нож есть, который разрезает все что угодно, и границы миров в придачу. Как думаешь, сколько такое «перо» может стоить?

– Нисколько, – пожали общими плечами сиамские близнецы. – Оно, по слухам, выпивает жизнь у любого, кто до него дотронется, кроме хозяина.

– А мы его руками трогать не станем, – ощерился гнилыми зубами бармен. – Мы его через полотенце возьмем, как горячую сковородку. Если Снайпера завалить, думаю, не только его нож убийцам отомстить попытается, но и вон та глιστα, что вокруг его левой руки обвилась: я про нее слышал,

опасная, паскуда. Так что мы его убивать не будем – пока.

И, падла такая, одним ловким ударом ножа располосовал мне предплечье от локтя до запястья, будто рыбе брюхо взрезал. Причем умудрился не повредить ремень, которым рука была привязана к столу. В миллиметре от него нож остановил. Профессионал, мать его...

Это было больно. Очень. Будто я руку в «электрод» сунул и тот вспорол мне конечность молнией.

– Круто! – восхитился «мумия».

– Ага, – кивнул бармен. – Богатая практика. Ну чего встал, доставай.

– Почему я? – возмутился мутант.

– Ну, ты у нас как раз весь в бинтах – вон сколько на лапы себе намотал! Зря я, что ли, на тебя кучу аптечек извел? Через бинты не пробьет, не боись. Жирный, ты мясо раздвинь, а Фараон – действуй.

– Раскомандовался тут, – буркнул себе под нос «скелет», носящий забавное прозвище Жирный. Впрочем, через несколько мгновений мне стало не до смеха, когда он засунул мне в рану костлявые пальцы обеих рук, и начал аккуратно ее раздирать.

От нахлынувшей на меня гаммы ощущений полагалось отключиться. Но я, к сожалению, не терял сознания, лишь, повернув голову, наблюдал, как раздвигаются в стороны окровавленные мышцы, меж которыми уютно устроилась моя «Бритва».

Удивительно, но внутри руки она была другой. Не такой, какой я привык ее видеть. Не было привычной, знакомой, лаконично-хищной формы боевого ножа – да и, если вдуматься, нереально это – чтоб довольно габаритный нож хранился в предплечье, не причиняя дискомфорта.

«Бритва» была похожа на полосу жидкого раскаленного металла цвета сияющего чистого неба, разлитую внутри моей руки, растекшуюся по располозованному мясу. И там, где нож бармена рассек вены, эта чистая энергия уже закрыла разрез, остановив кровотечение в зародыше. Получается, «Бритва» все это время обретала свою форму, лишь покидая мое тело, и, проникая обратно в руку, растекалась внутри, становясь полноценной частью меня.

Неудивительно, что пиявка Газира от такого горячего соседства перебралась с моей правой руки на левую, органично вплестясь в узор из шрамов, которые в самом начале моей карьеры убийцы сложились в Крылатый диск – знак Меченосца. Если не присматриваться, получилось прям как умышленное сочетание шрамирования с татуировкой в виде змеи, оплетающей руку.

Правда, я так пока и не понял, померла та «змея» после моих приключений в Древней Руси или задрыхла намертво, восстанавливаясь после воскрешения. Если второе, то мне б ее помощь сейчас никак не помешала. Я на всякий случай послал мысленную просьбу, мол, мне много не надо, только путы на левой руке перекусить, дальше я сам как-нибудь...

Не-а, бесполезно. Будто реально попытался с татуировкой побазарить.

– Во дела, – проговорил «Жирный», наклоняясь над раной, чтобы получше рассмотреть невиданное природное явление.

Это он, конечно, сделал зря.

Из жидкой субстанции, лениво перекатывающейся внутри моей руки, в мгновение ока выросла длинная и тонкая игла, похожая на луч лазурного цвета, которая легко прошила насквозь голову мутанта, выйдя из его затылка. Прошила – и исчезла, словно ее и не было.

«Жирный» замер на месте, словно осознавая произошедшее. И все присутствующие – вместе с ним. Немая сцена продолжалась пару секунд. А потом «скелет» сильно дернулся, и с его головы от того нехилого сотрясения слетела вся кожа вместе с мясом. Будто мягкая маска на пол влажно шлепнулась, обнажив голый, местами почерневший череп с аккуратным отверстием в лобной кости.

Мутант еще раз вздрогнул всем телом – и рухнул на пол. А края моей страшной раны, которую мут отпустил, начали стремительно сходиться. Еще «скелет» не прекратил стучать пятками об пол, корчась в агонии, а моя рука уже была совершенно целой, даже шрама не осталось.

– Впечатляет, – флегматично произнесла «грустная» голова сиамских братьев. – Одним придурком меньше в нашей славной команде.

– Янус, ты не мог бы заткнуться? – попросил бармен, растерянно почесывая мясистую щеку обухом ножа. – Я тут вообще-то думать пытаюсь.

– Я б на твоём месте не заморачивался, – хмыкнула «веселая» голова Януса. – Если раньше не получалось, то нечего и начинать.

Бармен зло зыркнул в сторону язвительного мута, но ничего не сказал. Неужто побаивался? Похоже на то.

– Наверно, это она у него в руке жидкая, а как на воздух выйдет – в нож превращается, – выдал мысль «мумия».

– Точно, – воскликнул бармен, наверняка довольный, что не пришлось с Янусом «качать за базар». – Поэтому, думаю, надо вернуться к первоначальному плану. Отрезать этому хваленому Снайперу руку и потихоньку вытряхивать из нее «Бритву». Вдруг получится?

Янус пожал всеми четырьмя плечами – мол, делайте, что хотите. Раздался треск разрываемого мокрого бинта – это непредусмотрительно широко, во всю нехилую пасть улыбнулся «мумия», порвав на морде нижнюю часть повязки, набрякшую желтым гноем. Обрадовался, урод, что с ним согласились, мыслитель хренов. Генератор идей, мать его за шишколодку...

Бармен же, не теряя времени даром, решительно шагнул вперед и занес нож над моим локтевым суставом.

* * *

Машина у «таксистов» оказалась не очень. Двигжок кашлял, чихал, стонал и явно готовился к скорой смерти. Хотя чего еще ждать от «девятого» «жигуля», хозяин которого явно не злоупотреблял техобслуживанием своего автомобиля? Вообще удивительно, что старичок протянул столько, не отдав концы раньше. Хорошо бы теперь, чтобы он не заглох по дороге, а то пешком идти до Чернобыльской Зоны более ста километров особого желания не было. Не то чтобы этот подвиг был не по силам Оми-но ками. Просто не хотелось встретить утро на дороге, где у полицейских и военных, курирующих подходы и подъезды к району экологического бедствия, однозначно возникнут вопросы к одинокому путнику, прущемуся в запретный район.

А что они могли возникнуть, было очевидно.

Когда, судя по карте в телефоне Виктора, до границы Чернобыльской Зоны оставалось двадцать километров, фары выхватили из темноты большой прямоугольник предупреждающего знака, установленного на обочине, где на украинском и русском языках было написано:

«Внимание!

Вы приближаетесь к особо охраняемой запретной зоне!

Дальнейший проезд и проход только по

спецпропускам!

При попытке несанкционированного преодоления заградительного кордона ведется огонь на поражение!»

«Ишь ты, как все серьезно», – подумал Виктор, впрочем, не особо беспокоясь по поводу строгих охранных мер. Двум-трем человекам, окажись они поблизости, он вполне мог «отвести глаза», заставив видеть то, что нужно ему. Хотя бы они увидели спецпропуск? Да без проблем, увидят. Было дело, однажды он проник в Зону силовым методом, зачистив блокпост. Сейчас ему этого уже не хотелось. Странно. Похоже, обретя дочь, он стал более разборчив в методах решения проблем.

Виктор усмехнулся собственным мыслям. Надо же, он и сам от себя такого не ожидал, а тут внезапно пришло осознание – ему и правда стало неприятно лить кровь направо и налево. Если на него нападают – да, это необходимость. Но если можно обойтись другими методами, он постарается обойтись именно ими...

Внезапно резкий встречный поток яркого света резанул по глазам. Виктор нажал на тормоз, вдавив его в пол. «Девятка» завизжала, словно конь, с разгона напорившийся на стену, внутри нее что-то хрустнуло, и движок заглох. Не исключено, что навечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.